

A movie poster featuring a young man and woman in a snowy, urban setting. The man, with dark hair and blue eyes, is in the foreground, looking off to the side. The woman, with long brown hair and blue eyes, is slightly behind him, also looking off to the side. They are both wearing dark jackets. The background shows a cityscape with buildings and falling snow. The title 'НАСЛЕДНИКИ ПЕПЛА' is written in large, bold, white Cyrillic letters across the bottom half of the image.

НАСЛЕДНИКИ ПЕПЛА

Наталья Темурян

Наталья Темурян

**Наследники пепла. Книга
первая. Не говори мне о любви**

«Автор»

2026

Темуриян Н.

Наследники пепла. Книга первая. Не говори мне о любви /
Н. Темуриян — «Автор», 2026

Ей семнадцать, и мир сломался прежде, чем она успела стать взрослой. Она - «ребёнок ошибки». Её существование омрачено трагедией матери и отчуждением в новой семье отца, которого она никогда не знала. В школе - невидимка, в доме - чужая. Единственное, чего хочет Кира - просто пережить этот год и исчезнуть. Но в её мир врывается Кирилл. Он - сын влиятельного бизнесмена, который знает цену предательства. Он привык брать то, что хочет, и скрывать свои раны под маской цинизма. Между ними вспыхивает чувство, такое сильное, что способно перевернуть всё. Но прошлые трагедии не отпускают, ставя под сомнение право на счастье. Когда цена за грехи взрослых становится непосильно высокой, перед ней встаёт выбор, который разорвёт сердце. Кирилл не готов мириться с жестокой правдой. Он бросает вызов миру и судьбе. Это пронзительная история любви, которая пытается выжить там, где для неё не оставили места.

© Темуриян Н., 2026

© Автор, 2026

Наталья Темурян

Наследники пепла. Книга первая. Не говори мне о любви

1 ГЛАВА

КИРА

- Ты говоришь, что девчонка, которую я случайно подцепил в клубе семнадцать лет назад, и которую сейчас даже не могу вспомнить, родила ребёнка? И этот ребёнок - моя дочь?

Владимир Викторович Колесниченко - блестящий нейрохирург, заведующий отделением одной из крупнейших больниц города, - недоверчиво смотрел на сидевшую напротив него бывшую однокурсницу. Лида Лыкина, любимая ученица его матери, спустя столько лет вдруг заявила в его рабочий кабинет, чтобы огорошить этой нелепостью.

- Да, - коротко сказала она. - Мы тогда отмечали твой день рождения. Она поздравила тебя... своеобразно.

И добавила с сарказмом - Так что лови подарочек, именинник!

Он сжал пальцы на ручке кресла, сдерживая желание встать и уйти.

- Это бред какой-то! - В голосе слышались усталость и раздражение, но больше - отчаянная попытка отгородиться от нахлынувшего прошлого.

- Ты не должен мне верить. Сделай тест ДНК.

Он подпёр голову руками, чуть прищурился, взглянул исподлобья.

- Откуда знаешь?

- Мы с ней бывшие одноклассницы. Девочка выросла на моих глазах — я педиатр в местной поликлинике.

- Я столько лет жил без этого знания. Почему ты говоришь об этом сейчас? Почему спустя столько лет?

- Потому что у девочки умерла мать и больше родственников нет. Если ты откажешься, её отправят в детский дом. Потому что я не могу смотреть, как ребёнок, который ни в чем не виноват, остаётся без шанса. Потому что ты - человек, который может определить её судьбу.

Она поднялась. - Я сделала то, что должна была. Дальше решай сам.

Лида бросила на его стол старую фотографию с адресом и ушла, не дожидаясь ответа.

Его взгляд застыл на зернистом снимке. Молодая женщина на нём выглядела счастливой... На задорном круглом личике с очаровательными ямочками на щеках искрятся детским весельем голубые, лучистые глаза. Губы раскрылись в лёгкой, беззаботной улыбке. Пшеничные волосы небрежно рассыпаны по плечам, словно золотое облако.

Память выдала фрагменты той ночи, как куски старой киноплёнки: шум, свет клубных ламп, чей-то смех, тёплый угол у служебной лестницы, где музыка гудела как фон, лампа моргнула, и всё случилось быстро: смех, прикосновения, губы — и хлопок двери за плечом.

А наутро их пути разошлись. Он и не думал её искать. Тем более, что буквально через несколько дней познакомился с Верой и понеслось поехало. Влюбился без памяти, и вскоре женился.

Внезапно в кабинете ему стало тесно, ворот рубашки душил. Какая-то случайность прошлого требовала от него немедленного судьбоносного решения. Он вдруг отчётливо ощутил тяжесть выбора, который мог изменить чужую жизнь и его собственную.

Владимир Викторович стоял на лестничной клетке третьего этажа перед обитой старым дерматином дверью. Рука, потянувшаяся к звонку, на мгновение замерла; затем прозвучал

короткий, ровный звонок. Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла невысокая худенькая девочка в домашнем халате и тапочках и смотрела на него глазами его умершей несколько лет назад матери. Холодная волна пробежала по спине: те -же зелёные бездны, и такая же непокорная грива каштановых волос... Сходство было настолько очевидным и неоспоримым, что не оставляло места для сомнений. Перед ним стояла его дочь.

Он неловко откашлялся.

- Здравствуй, Кира. Я - Владимир Викторович - начал он.

- Я знаю - перебила она ровным голосом. - Проходите - и отодвинулась, пропуская его в квартиру.

Он прошёл по узкому коридору и остановился на пороге комнаты - чистой, опрятной, но безнадежно устаревшей: старенький диван с цветастым чехлом и такими же креслами, занавески с неярким цветочным рисунком, выцветшее ковровое покрытие, стенка и комод - символы советской эпохи.

Воздух пах лимонным чистящим средством и чем-то домашним, знакомым и одновременно далёким.

Он остановился у края ковра, положил руки на спинку кресла и, не зная, куда деть взгляд, посмотрел на комод, где стояла та самая фотография в чёрной рамке.

Между ними повисла неловкая тишина. Он открыл рот, закрыл, сделал вдох, откашлялся и попытался улыбнуться, чтобы смягчить неловкость момента. Она ответила кивком, но глаза её оставались внимательными и немного настороженными.

Они устроились друг против друга: он в кресле, она на краешке старенькой табуретки.

Её руки, сложенные на коленях, нервно перебирали край халата, лицо - ровное, почти управляемое, но внизу шеи напряжённо бились слабые узелки страха.

Он невольно сравнил её с Викой - своей дочерью. Своенравной и нетерпеливой. Внешне девочки были совсем разные. Вика высокая, статная, с копной светлых, рыжеватых волос и янтарными глазами. Кира небольшая и хрупкая. На вид и не скажешь, что ей почти семнадцать. Скорее выглядит лет на тринадцать - четырнадцать. Если бы не глаза...казавшиеся старше лица, глядящие прямо и строго, с грустным вопросом.

Никакого зова крови и чего-то подобного Кира не ощущала. Перед ней сидел совершенно чужой человек. Один из тех, кто однажды легко и беззаботно прошёлся по Надиной жизни...

Её рождение было чистой случайностью. Кира знала это. Надя тогда не поняла, что беременна. Все симптомы приписывала то недомоганию, то отравлению. А когда выяснилось, что к чему, аборт делать было уже поздно.

Надя не разрешала называть себя мамой - только по имени. Словно они были ровесницами. Сёстрами, делившими общую юность. Порхала по жизни, заливисто и звонко, как только она одна умела, смеясь, словно яркая, беззаботная бабочка в вечном поиске своего женского счастья. Но не складывалось. Мужчины рядом с ней не задерживались.

Кире было десять, когда умерла бабушка. С тех пор она стала чувствовать себя ответственной за то, чтобы счета были оплачены, бельё постирано, холодильник не пустовал... за Надю: эту добрую и ранимую, с взбалмошной детской натурой женщину.

Она любила маму пронзительной любовью, смешанной с презрительной жалостью. Ненавидела эту жалость, но избавиться от неё не могла.

-Сколько можно наступать на одни и те же грабли. Жизнь так ничему тебя и не научила? - порой ворчала она совсем как когда-то бабушка.

Не научила. Просто однажды поломала и выбросила за свои пределы отчаянно жаждавшее, но так и не нашедшее любви, глупое сердце.

Она хотела всего лишь, чтобы её любили... так мало...

Кира жила без иллюзий, о встрече с отцом не мечтала. Он свалился внезапно, как снег на голову.

Тягостное молчание между ними затягивалось. Но Кира не собиралась его прерывать. Пусть сам выкручивается!

- К сожалению, я не знал ничего о тебе - наконец произнёс Владимир Викторович. Его голос был низким, в нем слышалась скованность.

Её руки, нервно теребившие край халата, сжались до боли; челюсть застыла, словно она боялась вымолвить что-то резкое. Не знал, или не хотел знать? — хотела она спросить, но промолчала.

- Но... это не меняет того факта, что ты моя дочь, и я готов взять на себя ответственность.

- продолжал между тем мужчина.

Кира подняла на него удивлённый взгляд.

«Ответственность? Не поздно ли для этого?»- подумала она с горькой усмешкой, но вслух лишь сказала:

- Вы не обязаны этого делать.

- Конечно, обязан! – возразил он энергично – Ты переедешь жить к нам.

- Мы ещё не делали тест ДНК

- В этом нет необходимости. Я признаю, что ты моя дочь. Я уверен...

- Но я не уверена -перебила его Кира.

- Хорошо. Тогда мы сделаем этот тест.

Могла ли она доверять этому человеку? Кира не знала. Но она понимала, что уже никогда не вернётся в прежнюю жизнь. Мир без мамы стал другим — чужим и враждебным. Всё изменится... совсем скоро... Этот поток перемен уже не остановить.

2 ГЛАВА ВИКА

Вика обожала Адлер с его ослепительно жарким солнцем, ласковым морем, буйной зеленью и вечной неугомонностью.

Но сейчас она поспешно закидывала в чемодан свои вещи под растерянными взглядами бабушки, Самвела и Каринки.

- Это-ж какая необходимость вот так срываться? Что за срочность такая? Что ты будешь делать в пыльной Москве? Друзья то, поди, тоже разъехались! - пыталась вразумить внучку Лариса Григорьевна, бывшая учительница, а ныне пенсионерка и хозяйка небольшого гостевого дома. Но её слова повисали в воздухе.

- И правда, Вика, чего ты вдруг? Вчера же договорились, что пойдём на катамаранах кататься. А завтра - в горы, ты сама просила! – подал голос Самвел – друг детства, живший по соседству.

Его сестра Карина, пристроившаяся в кресле, тоскливо наблюдала за энергичными действиями подруги. «Эх, братик... хоть ты и старше, а не понимаешь очевидных вещей!» - подумала она. - «Ясно же, что существует только одна причина, способная заставить вот так, в разгар курортного сезона бросить все и уехать...»

Вика наконец закрыла молнию на чемодане и повернулась к ним радостно сверкая глазами: - Есть причина!

Причиной была ЛЮБОВЬ, случившаяся с ней этой весной. Макс - студент режиссёрского факультета ВГИКа возник перед ней из пелены дождя, внезапно обрушившегося на город, и укрыл под своим зонтом. А потом они стояли на остановке, и он заботливо укутывал её плечи своей курткой. И ледяные, острые, словно стрелы, капли дождя вдруг превратились в срывающиеся с неба сверкающие алмазы.

Вика не была романтической натурой. Скорее рассудительной и практичной. Но рядом с Максом мир словно преображался. С ним было легко, волнительно и интересно. Они встречались, ходили в кафе, гуляли в парке держась за руки и говорили обо всем на свете. Но летом он должен был уехать к родителям в Челябинск, а её отправили, как обычно, к бабушке в Адлер.

Откуда она и спешила сбежать, как только узнала, что Макс вернулся в Москву, чтобы поработать ассистентом режиссёра.

Москва встретила унылым дождём, безжалостно смывшем все её радужные мечты: увы, Макс хоть и в Москве, но все время занят на съёмках.

И бабушка, конечно же, оказалась права: почти все её друзья разъехались кто куда.

Но все это были цветочки по сравнению с новостью, которой её огорошили родители - сводная сестра.

- У папы есть дочь моего возраста? - голос Вики взвился до пронзительной ноты, она резко повернулась к отцу: - Ты, наверное, шутишь! Мама, скажи ему! Что за дурацкие розыгрыши! Вот совсем не смешно!

- Я сам только недавно узнал о её существовании - глухо отозвался отец, словно слова давались ему с трудом.

- У неё умерла мама. Никаких родственников нет. Не отправлять же девочку в детский дом! - добавила мама. - Я прошу тебя, прояви понимание. И постарайся принять её.

Ну конечно! Мама - добрая душа!

- Вот вы её и принимайте! А я не обязана! - демонстративно хлопнув дверью, она исчезла в своей комнате.

Известие повергло её в шок. А то, что эта невесть откуда взявшаяся девчонка будет жить с ними и учиться в её классе, и вовсе вызывало удручающую тоску. Ведь это означало, что безупречная жизнь их семьи станет достоянием для всеобщего обсуждения и, что хуже, осуждения. Уж она-то знала своих одноклассников! Стоило только представить ехидную ухмылку Кристины, которая будет злорадно смаковать каждую деталь этой истории за её спиной, даже несмотря на то, что они считаются лучшими подругами, — и Вика начинала искренне всем своим существом ненавидеть эту так называемую сестру. И родители ещё смеют просить её проявить понимание?

Несколько последующих дней она с раздражением наблюдала, как мама деловито и невозмутимо подготавливала комнату, ту, в которой обычно останавливалась бабушка во время своих приездов, для дочери своего мужа от другой женщины. Как искренне заботилась о том, чтобы той было удобно и комфортно в их доме. И не понимала этой её терпимости. Не в этом вопросе. Время приезда новоиспечённой родственницы приближалось, сжимая кольцо тревоги. Оставалось навести последний лоск. Мама спросила не хочет ли она помочь. Но Вика категорически отказалась принимать в этом участие и ушла. Максимум наконец удалось вырваться ненадолго, и они договорились встретиться.

Вера Алексеевна старалась подавить в себе тревогу и сейчас не думать о том, как сложатся их отношения с дочерью мужа и к каким неизбежным переменам приведёт её появление в их семье. Но мысли в голову лезли. Беспокойные.

«Возраст такой... сложный. Вон как непросто с Викторией в последнее время. Так это своя - родная и понятная. А вот придёт чужая...»

Она обрывала этот поток и заставляла себя просто заниматься текущими делами, решив, что проблемы будет решать по мере их поступления. И все же тревожно было на душе.

В прокуренном полутемном зале клуба оглушительно гремела музыка, воздух был плотным от запаха потных тел, алкоголя и сигаретного дыма. Вика сидела за барной стойкой, обхватив ладонями прохладный стакан, и наблюдала, как в безудержном танце отрываются на танцполе Ленка и Руслан, время от времени поглядывая на вход в ожидании Макса. Он обещал появиться после окончания смены.

Рыжеволосая Ленка стала в выпускном классе королевой школы, уведя этот гордый титул из-под носа Кристины. Между девчонками была давняя неприязнь, и они частенько устраивали публичные баталии. Вике не было бы никакого дела до их вражды, если бы одна не была её

соседкой, другая — одноклассницей, и обе — близкими подругами. Годами она лавировала между этих двух огней, пытаясь сохранить нейтралитет.

В этом году Ленка стала студенткой вместе с Русланом — он был рядом с ней с начальной школы, и их дружба постепенно переросла в тихую, прочную любовь. Вика завидовала их надёжной преданности — до появления Макса, который, конечно же, был в тысячу раз круче тихого Руслана.

Зазвучала медленная мелодия и Ленка с Русланом слились в одну тихо покачивающуюся фигуру. Внезапно чья-то рука осторожно легла на её талию. Вика резко обернулась, готовая послать нахала, но наткнулась на знакомый смеющийся взгляд.

-Макс!

Он наклонился, обдавая её прохладой улицы, и легко поцеловал: -пойдём потанцуем! Вика скользнула бокалом по гладкой поверхности барной стойки и поднялась, тут же утонув в его крепких объятиях. Следующее мгновение они уже плыли сквозь толпу на танцпол. Он прижимал её к себе так, как будто они были здесь одни. И это была почти правда. Никому ни до кого не было дела в этом интимном полумраке. Все были поглощены исключительно собой и своими партнёрами.

Вика увидела рядом страстно целующуюся парочку и узнала в парне Кирилла Климова — одноклассника, пришедшего в их школу в прошлом году. Того самого, в которого с первого взгляда и, кажется, совершенно безнадежно была влюблена Кристина. Девушка рядом с ним была Вике незнакома, но выглядела эффектно.

На секунду она посочувствовала Кристине, но в следующее мгновение губы Макса коснулись её шеи, и чужая драма отодвинулась на задний план, растворяясь в ритме танца.

— Видела Климова? — спросила Ленка, когда они четверо сели за столик, а Макс и Руслан погрузились в разговор.

— Нет, не видела, — солгала Вика. Она не хотела обсуждать с Ленкой чувства Кристины за её спиной.

— Да вон же он, с очередной девицей, — лениво махнула рукой подруга.

Вика невольно посмотрела в угол, где вальяжно расположился Климов. На секунду их взгляды встретились и, скользнув друг по другу, разошлись. Он никогда её не замечал, как, впрочем, и остальных одноклассниц. Она же всегда относилась к этому самодовольному мажору со смесью безразличия и презрения.

Вика перевела взгляд на Макса. Самый лучший. Без пустых понтов — умный, внимательный. Даже Ленка, проницательная Ленка одобрила. А это, между прочим, чего-то стоило, потому что в людях она разбиралась. Не зря поступила на психолога. Остаток вечера пролетел весело и беззаботно, отодвинув заботы и гнетущие мысли.

На следующий день позвонила Кристина. Она отдыхала в Испании. Восторженно делилась впечатлениями.

- Завела курортный роман с местным плейбоем? - спросила Вика с лёгкой иронией.

- Ну... ничего серьезного, конечно... Так, пытаются ухаживать некоторые... Но ты же знаешь, я Кирилла люблю.

Вика сделала вид, что поверила. Как бы сильно не была Кристина влюблена в Климова, но от флирта никогда не откажется. Ей просто жизненно необходимо было иметь вокруг себя несколько поклонников, которые должны соперничать за её внимание. Она считала, что таким образом повышает свой статус и это делает её более привлекательной и желанной в глазах парней. Только вот на Климова почему-то все это никак не действовало. Он был едва ли не единственным, кого её прелести оставляли равнодушным. Но Кристина была настроена решительно и сдаваться не собиралась.

— Кстати, не знаешь, он уже в городе? Не виделась с ним случайно?

Виделась. Вчера. Но Вика благоразумно умолчала об этом, и в её молчании таилась маленькая, едкая толика злорадства. Тоже рассказала немного о своём отдыхе в Адлере. Конечно, не Испания. Но тоже море. А потом подробно, со вкусом расписала все достоинства Макса – пусть завидует!

Вот только про новоявленную сестру говорить не стала.

3 ГЛАВА КИРИЛЛ

- На свадьбу придёшь? Ты приглашён вместе со всем благородным семейством!

Юлька натянула платье, которое второй кожей облепило её безупречную, точёную фигурку. Задорно тряхнула каскадом коротких, пушистых волос. В этом жесте было столько неукротимой энергии, что Кирилл невольно улыбнулся. Крышесносная девчонка! Напоминала Джессику – его безбашенную американскую подружку. Той тоже все было нипочем.

- Семейство явится без меня. - ответил Кирилл, не меняя позы. Он лежал, закинув руки за голову и лениво наблюдал за её сборами.

- Это из-за Ирки? Понимаю. Я тоже терпеть не могу твою мачеху! Редкая стерва! Юлька подошла к кровати, наклонилась и быстро чмокнула его в щёку: - Ладно, я побежала. До свадьбы дел невпроворот, голова идёт кругом. Ничего не успеваю. Так что в ближайшее время не увидимся.

- А после свадьбы? - в голосе Кирилла проскользнула едва уловимая насмешка.

- А после свадьбы будем посмотреть! – звонко рассмеялась она. – Пока!

Он перехватил ее за руку.

- У меня еще не было замужних дам. Будешь первой, если что.

- Как лестно!

Она иронизировала легко, со свойственной ей беззаботной грацией. Кириллу вдруг стало по-настоящему интересно:

- Зачем вообще замуж выходить, если ты изменяешь ему уже сейчас?

- Да что ты понимаешь! Это я так протестую! - в её голосе внезапно зазвенел вызов. Он сел на кровати, не выпуская её тонкого запястья. - Против чего?

Юлька опустила рядом и вдруг стала непривычно серьёзной, словно маска беспечности спала, обнажив хрупкую искренность.

- Ты же знаешь, что наш брак – это просто сделка. Все устроили родители. Ну, финансовые интересы, переплетение капиталов и все такое...

- Так ты вроде не возражала. - напомнил Кирилл

- Потому что он мне понравился. – прошептала она с горечью.

- А потом я узнала, что он до сих пор не порвал со своей подружкой. И не собирается даже. А на свадьбу согласился только после того, как папаша перекрыл ему доступ к деньгам. Видела я эту девицу. Ничего особенного. Тусклая тень. Работает мёд сестрой, одевается безвкусно, никак... Так обидно стало! Вот я ведь красивая! Умная! Школу с золотой медалью закончила. И в МГИМО, между прочим, иду на красный диплом. А этот козёл предпочёл мне какую-то простушку. А самое обидное знаешь что? - Юлька вскочила и замерла посреди комнаты.

- Что?

- Что этот мудака все равно мне нравится! И я хочу за него замуж! - последние слова она почти выкрикнула. В них смешались ярость и отчаянное желание.

- Понятно. – Кирилл лишь пожал плечами.

- Да ничего тебе непонятно! - вспыхнула она. - Я ему еще покажу! Такую семейную жизнь устрою - мало не покажется!

- Удачи!

- А сам то! – Юлька перевела взгляд на него, словно пытаюсь разгадать. - Неужели никогда не хотелось взбунтоваться? Ты же у нас парень гордый, независимый...

- Зачем? - он лениво растягивал слова, глядя куда-то в потолок. - Меня и так все устраивает.

Он снова откинулся на подушки, демонстрируя полное безразличие. - И то верно. - Юлька снова села рядом, вздохнула. Её запал вдруг исчез. - Чего тебе бунтовать? Школу ещё не закончил, а уже живёшь один, сам себе хозяин. Отец не достаёт... Надо мной в твоём возрасте был тотальный контроль.

Она поднялась, потянулась с кошачьей грацией, возвращая себе привычную улыбку.

- Ну все. Мне пора. Убегаю. С днём рождения, кстати. Подарок там – кивнула с лукавой улыбкой в сторону тумбочки.

Она ушла, оставив за собой лёгкий шлейф парфюма и ощущение вихря, пронёсшегося сквозь тишину комнаты. Кирилл продолжал лежать, уставившись в потолок.

«Отец не достаёт...» - эхом отозвалось в голове. Это была правда... Порой ему казалось, что отцу вообще нет до него дела... Но хотя бы не бросил его, как мать. И на том, как говорится, спасибо. Или всё-таки бросил? Просто сделал это иначе - отправил сына в Штаты, словно в почётное изгнание, подальше от глаз. Ладно, проехали. Он закрыл глаза, отгораживаясь от воспоминаний, но мысли не унимались. Прошлое давно было погребено под толстыми слоями пыли и времени. Но стоило копнуть - и оно начинало дышать.

Когда мать ушла, ему было всего пять лет. Пять коротких лет, уместившихся в одном выцветшем воспоминании.

Одна фотография, случайно забытая... или всё-таки специально для него оставленная?... Этот ветхий прямоугольник он тайно хранил, как единственное доказательство того, что она была настоящей. Он изучал её черты годами - чтобы не забыть. Чтобы узнать её в толпе, если судьба когда-нибудь решит столкнуть их снова.

А тогда вместо мамы появилась Сирафима Олеговна. Но не сразу. Сначала отец привёз его в огромный дом, где их неприветливо встретила высокая черноглазая женщина с надменной красотой, в которой не было ни капли тепла.

Рядом стояла девчушка лет трёх с точно такими же чёрными, но весёлыми и любопытными глазами. Он слышал, как женщина громко спорила с отцом за неплотно закрытой дверью, пока они с малышкой, на время забытые взрослыми, стояли посреди просторной комнаты. - Хватит с меня того, что я мирюсь с твоими изменами. Ублюдка этой шлюхи я в своем доме не потерплю! - кричала женщина.

Эти слова, словно ледяной кинжал, навсегда вонзились в его память, оставив глубокий, незаживающий шрам.

Маленькая Аришка - так звали девочку, пыталась с ним подружиться и в знак своего расположения притащила и отдала ему свою любимую куклу - огромного пупса похожего на настоящего ребёнка, которого почему-то звали Нюша. В своем нежном возрасте она еще не понимала, что мальчиков куклы не интересуют. Впрочем, пупса у него грубо, без церемоний отобрали, а ревущую Аришку утащили в другую комнату, приказав при этом тощей, с высоким пучком на голове женщине строго следить, чтобы он и близко не приближался к девочке.

И он совсем не расстроился, когда отец через несколько дней увёз его оттуда.

Его вернули домой, где в комнате мамы поселилась Сирафима. Которую он невзлюбил с первого взгляда. Два долгих и мучительных для обоих месяца длилась взаимная пытка их сосуществования. Не помогли ни дипломы по педагогике и детской психологии, ни опыт работы гувернанткой в «приличных домах». Наконец она исчезла.

Затем были другие, чьи лица сливались в безликий хоровод, появлялись и таяли одно за другим, не оставив в памяти Кирилла ни единого следа.

Никто до Вали...

Валентина была деревенской девчонкой с простым лицом и круглыми, голубыми как озера глазами. У неё не было никакого образования. Зато был весёлый, неунывающий нрав. Готовила она так, что пальчики оближешь. Дом и Кирилла содержала в идеальном порядке. Но главное - искренне прикипела к мальчугану. Можно сказать, что Валентина была первой нежной привязанностью Кирилла, почти любовью. С ней он прожил вполне счастливо аж до восьми лет. Однажды ночью тишину его спальни разорвали приглушённые, странные стоны, доносящиеся из Валиной комнаты. Сердце его сжалось от детского страха – он испугался, что ей больно. Вскочил с постели и босиком понёсся спасать... Отец и Валя не сразу заметили сконфуженно застывшего в дверях мальчика... Отношения, казавшиеся нерушимыми, дали глубокую трещину и с каждым днём становились все хуже. Между ними возникла стена отчуждения. Все Валины попытки как-то устранить, пробить эту стену он молча отвергал...

Вскоре она тоже исчезла...

А его отец, словно отсекая ненужную ветвь, отправил за океан, в частную школу в Шта-тах... Вот тогда и вспыхнул в нем первый настоящий бунт. Правда, ничего хорошего из этого всё равно не вышло. Хотя через полгода из школы его всё же выперли из-за "отсутствия коммуникабельности, агрессивности и нежелания подчиняться правилам", домой отец его не забрал. Вместо этого привёз на Аляску в Ситку - крохотный городок, затерянный среди дикой природы и живописных, суровых гор на небольшом острове, окружённом ледяными объятиями холодного моря.

Здесь жил его старший брат Николай. Хотя, его давно уже никто так не называл, а звали на американский манер - Николас. Дядя, владелец местного бильярдного клуба, некогда блистал на шумных аренах профессиональных соревнований. Но после женитьбы остепенился и, казалось, обрёл счастье и покой в тихой, размеренной провинциальной жизни.

Вот тут отец его и оставил на долгие восемь лет, словно ненужную вещь. Так его огонь протеста был потушен, не принеся ничего, кроме горечи. И хотя жена дяди, добродушная толстушка по имени Пегги, и сын Тайлер, который был старше Кирилла на три года, приняли новоявленного родственника с искренней простотой, он все же чувствовал себя скверно.

Осознание того, что оказался недостаточно хорош для собственных родителей, тяжким, холодным камнем легло на сердце и невыносимым грузом придавило душу. Но при прощании ни одна слеза не пробилась наружу. И позже тоже. Отец презирал слабаков, и он знал это. Терпел, стиснув зубы, пряча кипящую внутри ярость. Пусть! Он выстоит! И однажды... они пожалеют. Он заставит их признать себя.

Победа – и только победа во всем, будь то учёба, спорт, игры – стало для него основным критерием в жизни, его религией, целью и смыслом существования. Будто это был единственный способ доказать своё право на жизнь. Он закрыл своё сердце на замок, отказавшись ждать чего-либо от других. Больше никому не доверял, ни на кого не полагался. Мнение окружающих было для него лишь фоновым шумом, не способным пробиться сквозь броню его равнодушия.

Но его острый, живой ум и врождённая, неукротимая воля действовали на окружающих как магнит. Кирилл притягивал людей, сам того не желая. К нему тянулись не только сверстники, но и взрослые друзья Тайлера, и даже хмурые завсегдатаи дядиного клуба, где он подрабатывал маркёром. Там, в полумраке зала пропитанного запахом табака и мела, среди зелёных столов, он записывал очки и параллельно учился считывать людей - их блеф, страх и секундную слабость.

Со временем игра затянула его. Дядя твердил, что у парня редкий талант. Кириллу уже казалось, что он окончательно вырос в эту жизнь.

Но когда отец возник на пороге с категорическим решением - заканчивать школу и сдавать экзамены в России, - Кирилл ощутил почти пугающее ликование.

Даже несмотря на то, что его роман с местной красавицей Джессикой был в самом разгаре. Она трогательно рыдала на его груди, клялась в вечной любви и верности и требовала

таких же клятв от него. Он с лёгкостью повторял за ней пылкие слова, но душа его, сердце и мысли уже устремились вдаль - в Россию, домой.

Вообще, после Вали он больше ни к кому по-настоящему не привязывался. Ни в какие романтические фантазии про любовь в принципе не верил. Жил без иллюзий и прекрасно все понимал о своих желаниях и потребностях.

Конечно, Джессика нравилась ему – красивая, заводная, страстная... Гормоны у обоих бушевали, сводя все общение к бурному сексу. Несколько раз их чуть не застукали. Но проносило. Кажется, именно это им нравилось и возбуждало больше всего – опасность и драйв.

Приехав в Россию, он недолго продержался в доме отца, где в его сторону по-прежнему сверкали тихой ненавистью глаза Ирины. Но Кирилл был уже крепкий орешек. Извиняться перед ней за то, что родился, он точно не собирался.

К Аришке относился равнодушно. Мать не поощряла их сближения. Он и не настаивал...

А вот Аришка упрямо тянулась к нему, наивно видя в нем старшего брата. Чем подливала масла в огонь и без того жгучего раздражения Ирины.

Мачеха была категорически против его присутствия в их доме. Да и он не хотел. Поэтому вскоре поселился в городской квартире, в которой когда-то жил с матерью, а потом с Валею. Короткие переговоры с отцом, сухой свод правил и чёткие границы дозволенного - и вот она - свобода. Пусть и оплаченная отцовским кошельком. Дважды в неделю приходила домработница: набивала холодильник, убирала и, разумеется, исправно докладывала отцу о каждом шаге сына. Кирилла это устраивало. Он не нарушал правил.

Вернувшись, первым делом попытался найти мать. Отец не помогал, но и не мешал, наблюдая за поисками с циничным спокойствием. Когда Кирилл в упор спросил о матери, отец ответил с режущей прямоотой: он застукал её с другим мужчиной в той самой квартире, которую купил для неё и сына. Она тут же была выставлена за дверь без права объяснения. Конец истории. Больше он её судьбой не интересовался. Но заметил, что она могла забрать сына или хотя бы видаться с ним. Отец не запрещал. Но она предпочла исчезнуть, предварительно подписав отказ от ребёнка за весьма внушительную сумму.

Надежда на встречу с матерью, вместе с фотографией в тот день была похоронена в забитой хламом кладовке на дне старого комода.

Сегодня ему исполнилось восемнадцать — совершеннолетие. Он ждал этого дня, представляя себя взрослым, самостоятельным, независимым. Но до настоящей свободы ещё далеко: впереди долгий последний учебный год — следствие несовпадения школьных программ США и России.

Кирилл запустил руку в недра прикроватной тумбочки и достал яркую глянцевую подарочную коробку, кокетливо перевязанную голубой ленточкой.

- Детский сад! - усмехнулся он. Открыл. На одеяло дождём осыпалась целая россыпь презервативов - от классических до самых экстравагантных, на любой, даже самый смелый вкус. Кирилл рассмеялся – «вот Юлька даёт!». Быстро собрал всё обратно в коробку и вернул в тумбочку.

«В самую точку. - подумал он - Пригодятся!»

Посмотрел на часы - пора вставать и отправляться на пробежку. Сегодня должен был приехать отец.

-Куда мы едем? -спросил Кирилл час спустя, плюхнувшись в мягкие кожаные объятия сиденья чёрного «Кадилака».

- Тут недалеко. Сам все увидишь. - бросил отец, не отрывая взгляда от дороги. Вскоре тяжёлый автомобиль припарковался у двухэтажного здания с фасадом из тёмного кирпича.

- Пошли- коротко велел отец.

По массивной, широкой лестнице, ступени которой казались высеченными из цельного камня, они поднялись на второй этаж. Перед Кириллом распахнулся мир зелёного сукна и приглушённого света - бильярдный клуб.

По сравнению с дядиным, где обстановка была простой и демократичной, пропитанной духом дружеских баталий и табачного дыма, этот был раза в три просторнее и дышал дорогой, элитной роскошью.

Общий зал в этот ранний час был почти пуст. Лишь у пары столов, под мягким светом ламп, едва различимые силуэты игроков бесшумно перемещались, словно тени. «Сотрудники клуба, наверное»- догадался Кирилл.

Навстречу им, широко улыбаясь, шёл коренастый мужчина с сияющей, как отполированная сфера, лысиной.

- Анатолий Германович! Мы вас ждём! - его голос наполнил пространство тёплой радушностью. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. - Знакомся. Это Максим Константинович, управляющий клубом. - повернулся к Кириллу отец. - Мой сын -Кирилл. - представил он его.

Кирилл вежливо кивнул и пожал протянутую руку.

Давайте пройдем в VIP зал - предложил Максим Константинович. . - Позовите Дениса-негромко бросил он официантке, проходя мимо зоны бара.

VIP зал представлял собой святую святых клуба. Приватную комнату всего с двумя столами: один для русского бильярда, другой для пула. У окна - круглый стол из тёмного дерева, окружённый массивными стульями. В глубокой нише уютно расположился огромный кожаный диван с креслами и журнальным столиком. На стене напротив - безмолвная плазма, по обе стороны от неё - стройные ряды киевниц. Отделка помещения, как и всего клуба, была симфония дерева и металла, создавая ощущение брутальности, элегантности и безупречного стиля.

Почти сразу за ними в комнату вошёл рослый широкоплечий парень лет двадцати пяти.

- Это - Денис. Наш лучший игрок и маркёр. - представил его Максим Константинович. -Сыграешь с ним? - повернулся отец к Кириллу, и в его взгляде читался не вопрос, а скорее приказ, скрытый под лёгким вопросительным тоном.

- Можно. - коротко ответил Кирилл. Он все ещё не понимал, что происходит. Но знал, что отец никогда ничего не делал просто так.

- Американка или пирамида? - Кирилл уловил легкую ухмылку во взгляде парня. Да и снисходительная самоуверенность тона не понравилась.

«Говорите, лучший игрок и маркёр? Что ж, посмотрим...» - В нем пробуждался дух борьбы и соперничества. - Все равно.

-Тогда русская пирамида?

-Идёт! - Разыграем первый удар. - сказал Денис подходя к киевнице и взяв два кия. Один протянул Кириллу.

Победителем розыгрыша стал Денис. Игру он начал спокойно и уверенно: молниеносный, атакующий удар – пирамида рассыпана и первый шар тут же нашёл свою лузу. Следом ещё одно грациозное движение кием, и шар, повинаясь воле игрока, перевёл биток в противоположный угол. Удачно. Парень бросил искрометный, едва заметный взгляд в сторону наблюдавших. И Кирилл понял, что Денис очень хочет произвести впечатление на его отца. Еще удар: замысловатая траектория - раз борт, два борт и от третьего борта шар должен был упасть в угол... но не рассчитал...

«Да, брат, стремление к красоте тебя погубило» – подумал Кирилл, признавая все же, что соперник у него сегодня и правда достойный. Денис с лёгкой досадой отошёл, уступая ему место у стола.

Кирилл на мгновение застыл, сосредоточенно изучая положение шаров. Первый же удар по отыгрышу получился идеальным, выверенным и вызвал одобрителный возглас Максима

Константиновича. Но Кирилл не слышал. Для него мир сжался до размеров стола. Он был полностью сконцентрирован на игре. Ещё один отличный удар и хитроумный перевод битка в противоположную лузу. Однако не совсем удачно. Шар коварно лёг на борт почти не оставляя и шанса для продолжения. Сложно что-то сделать. Ситуация казалась безвыходной. Но сегодня поражение точно не входило в его планы. Кирилл с мгновенным, почти интуитивным решением, удачно продавил этот шар и продолжил игру... Методично, со снайперской точностью, с холодным расчётом. Танец кия и шаров превратился в неумолимый ритм. Удар в середину с верхним вращением, подкаст - и еще один шар в лузе... и еще...еще...еще...еще... восемь.

Отец, Максим Константинович и Денис в молчаливом изумлении наблюдали за ним. Первым пришёл в себя Денис.

- Круто. Молодец. - с искренним уважением произнёс он, пожимая руку Кирилла после игры. - Ты тоже.

- Ну что, нравится тебе этот клуб? - голос отца был ровным, без единой лишней интонации. Короткое, почти неосознанное «да» сорвалось с губ Кирилла. Он всё ещё не улавливал подтекста, скрытого за этой, казалось бы, простой фразой. Что-то в манере отца, в этом пристальном взгляде предвещало нечто большее, чем праздный вопрос. Он ждал.

- Он твой.

Воздух будто сгустился, давя на грудь. - Что?

- Это подарок. - подтвердил отец, чуть заметно кивнув, словно ставя точку в невидимом предложении. Кирилл растерянно молчал. В голове вихрем кружились вопросы. Что это? Неужели отец настолько доверяет ему, что бросает такую махину? Или хочет испытать? Проверить на прочность? А может... может это просто дорогая откупная за годы отсутствия, за ту зияющую пустоту, что всегда лежала между ними? - Спасибо - вырвалось глухое, пропитанное тенью недоверия. Кивок отца был деловым, словно жест закрывающий сделку.

- Мне пора. С днём рождения, Кирилл. Коротко попрощавшись со всеми он развернулся и быстро вышел, оставив Кирилла наедине с невероятной тяжестью подаренной ответственности.

4 ГЛАВА ДРУЗЬЯ

Настал день переезда, а вместе с ним - неумолимое время прощания. Четверо неразлучных друзей стояли на пороге разлуки, и это казалось им невыносимым, особенно сейчас. Они всегда были вместе. Их связь уходила корнями в самое начало жизни. Когда судьба, будто сговорившись, свела в одном старом уютном московском дворике трёх молодых женщин, одновременно носивших под сердцем своих первенцев. Студентку МГУ, умницу Наталью, приехавшую покорять Москву из Иркутска и вышедшую замуж за молодого преподавателя; Светлану, сдержанную, немногословную медсестру, жену боевого офицера и Надю - открытую и добродушную. Это чудесное ожидание, словно невидимый мост, сблизило их, наполнив разговоры нежностью и предвкушением.

Вскоре дом наполнился новыми голосами: Ромка, Вадим и Кира один за другим появились на свет. Молодые мамы, уже не просто соседки, а настоящие подруги, погруженные в мир пелёнок и колыбельных, делились первыми заботами и крошечными победами, улыбками и бессонными ночами. Их прогулки с колясками по солнечным аллеям стали ежедневным ритуалом. А спустя два месяца к ним присоединилась новая соседка. Тридцатилетняя Нина переехала с мужем Анатолием и двухмесячной дочуркой Катей. Общительность и чистосердечность Нины помогли ей мгновенно влиться в их дружную компанию. Вскоре всем казалось, что она всегда была с ними.

Нина и Анатолий мечтали о большой семье, но из-за проблем со здоровьем, Кате суждено было остаться их единственным ребёнком. Поэтому, когда время призвало мам обратно

к работе и учёбе (даже бабушка Киры тогда ещё работала), именно дом Нины, ушедшей с работы, чтобы полностью посвятить себя семье, распахнул свои двери для всей четвёрки, став для них родным, наполненным теплом и уютом. Она с готовностью взяла на себя хлопоты о подрастающих детях. В её заботливых руках они нашли любовь и неиссякаемое внимание.

Так и росло это маленькое братство, этот неразлучный квартет: Ромка, Вадим, Кира и Катя. Во дворе, в детском саду, в школе. Делили на четверых не только вкусняшки и игрушки, но и все свои детские радости, горести и самые сокровенные секреты. Они были не просто друзьями, а настоящим кланом, крепко связанным невидимыми нитями, чем-то большим, семьёй. И вот теперь... Да, понимали, что в сложившейся ситуации это единственно правильный выход. Конечно, жить с чужими и незнакомыми людьми – нерадостная перспектива. Но детский дом – это вообще не вариант. Как говорится, из двух зол... И все-таки...

На столе одиноко стоит испечённый Катиной мамой пирог, к которому так никто и не притронулся. Чай в чашках давно остыл. В комнате повисла тягостная тишина.

- Значит, всё-таки переезжаешь – нарушил молчание Вадим. Голос звучал обречённо. Он подпирает спиной стену, засунув руки в карманы, и с мрачным видом разглядывал старый линолеум.

- Угу, придется – уныло пробормотала Кира.

Катя сидела у окна крепко сцепив руки и нервно покусывая губы. Хотела казаться спокойной, но все в ней выдавало волнение: мелкая дрожь в изящных пальцах, едва заметный трепет ресниц...

Кира была убеждена: Катя – самая красивая девушка на свете. По крайней мере, никого красивее она точно не видела. Густые, светло пепельные волосы, крупными локонами спадавшие до самой талии, ясные синие глаза в обрамлении тёмных ресниц, утончённые черты лица, изящная фигура, грациозные, царственные движения – все в ней было безупречно. Её красота существовала как бы сама по себе, словно ценное и уникальное произведение искусства, которое изумляет, восхищает, заставляет незнакомых прохожих на улице останавливаться и откровенно глазеть на это чудо просто потому, что редко такое увидишь. Она, красота, была слишком яркой, очевидной и самодостаточной. Настолько, что затмевала самого человека, личность, стоявшую за всем этим ослепительным великолепием. И этим человеком была Катя – вопреки расхожему мнению о том, что красавица – непременно безмозглая и самовлюблённая стерва – жизнерадостная и дружелюбная. Самый светлый и тёплый человек в жизни Киры.

Сидевший в кресле Роман ободряюще улыбнулся Кире, словно обещая ей, что все будет хорошо. И она поверила, потому что привыкла доверять ему безоговорочно. Ведь он такой умный, невозмутимый, рассудительный – лучший ученик и гордость школы, победитель всех возможных олимпиад, их собственный гений, как в шутку называла его Катя. Всегда, если что-то в учёбе давалось Кире с трудом, Роман тут же возникал рядом и терпеливо разъяснял все, пока сложное не становилось простым и понятным. Потому что, хотя Кира и решила, что должна непременно быть отличницей, учёбу брала исключительно измором и зубрёжкой. Ромка же учился легко, словно играючи.

- Надо потерпеть всего год. До окончания школы. Я смогу. Я же сильная.

Кира отчаянно цеплялась за эту веру. Ведь сила воли – это то, что она воспитывала в себе с детства. Это был щит, выкованный её настойчивостью и упорством. Она презирала любые проявления слабости и зависимости. Её самый жуткий страх – обернуться копией мамы: беспомощной, незащитной и, в итоге, сломленной. Она объявила безжалостную войну генетике. С упрямством, присущим ей с самых ранних лет, с той неукротимой целеустремлённостью, что жила в ней всегда, Кира стремилась доказать миру, а главное – самой себе, что у неё есть воля и характер. Но на последних словах голос предательски дрогнул.

В ответ на испуг, вдруг отразившийся в её глазах, Ромка стремительно поднялся, подошёл, притянул к себе, крепко обнял. - Ты же понимаешь, что даже если мы не совсем рядом, мы все равно с тобой. Всегда. Кира кивнула, уткнувшись в его грудь.

- Конечно – подхватил Вадим. – Если что, ты только позови, и мы примчимся. Да, и на всякий случай... Помнишь тот удар с разворота, которому я тебя учил?

Вадим занимался восточными единоборствами.

Кира кивнула: - Как же хорошо, что вы у меня есть.- её голос звучал почти невесомо. - Мы у тебя есть, Кира. Ты всегда помни об этом. Ты никогда и нигде не одна. – Катя произнесла эти слова серьёзно, глядя подружке прямо в глаза. Катя волновалась. Она знала, что Кира, несмотря на внешнюю стойкость, на самом деле ужасно ранима. После ухода Нади каждую ночь её терзают кошмары. Каждую ночь она просыпается вся в холодном поту и сразу оказывается в её, Катиных тёплых объятьях. Каждую долгую ночь Катя пытается защитить, согреть и успокоить подружку. Как она будет одна среди чужих и незнакомых людей?

Кира подняла правую руку, показывая браслет на запястье. Ребята повторили её жест. У них были такие же. Идея Кати. В прошлое рождество она надела каждому такой браслет - символ их нерушимого единства.

Звонок в дверь прозвучал резко и неожиданно, заставив всех замереть. Ромка непроизвольно сильнее прижал Киру к себе, словно пытаясь защитить. - Пора - сказала Кира осторожно отстраняясь. Катя поднялась:

-Я открою.

Вадим достал небольшой нож и протянул Кире. Это был боевой нож болисонг: - Возьми. Хочу, чтобы он был у тебя.

Кира удивлённо подняла глаза. Она знала, как сильно Вадим дорожит этой вещью - этот нож принадлежал его отцу, боевому офицеру, погибшему пять лет назад в одной из пылающих горячих точек на чужой, безжалостной земле. Отец подарил его сыну перед своим последним заданием. Это был его талисман. Сейчас Вадим отдавал Кире самое ценное, что у него было.

- Я не могу взять его... - неуверенно произнесла Кира. Но Вадим решительно вложил нож в её руку. - Возьми. - Я буду хранить его - торжественно пообещала девочка. В этот момент в комнату вошёл Владимир Викторович.

5 ГЛАВА

ЧУЖАЯ.

Вера Алексеевна и Вика наблюдали из окна, как Владимир Викторович и Кира вышли из машины. Прихватив нехитрый багаж, они направились к дому.

Пожалуйста, будь вежливой - на всякий случай попросила Вера Алексеевна дочь, прежде чем направиться к двери.

Вика лишь фыркнула в ответ. Её разрывало между любопытством и желанием запереться в своей комнате. Любопытство взяло верх, и она застыла в проёме коридора, отделявшего общую зону квартиры от приватной.

Девочка вошла вслед за Владимиром Викторовичем, и какое-то время топталась у него за спиной. Но он не задержался в прихожей, быстро пройдя в гостиную.

Перед Кирой возникло приветливое женское лицо с тёплой улыбкой. - Здравствуй. Добро пожаловать - мягко сказала Вера Алексеевна. -Здравствуйте – пролепетала она в ответ. Собственный голос показался ей тонким и дребезжащим.

Вика молча и чуть придиричиво разглядывала гостью.

Девочка как девочка - оценила она. - Вполне среднестатистическая. Большеглазая. Мелкая. Волосы схвачены резинкой в обычный хвост, из украшений - лишь крохотные серьги гвоздики, да браслетик на тонком запястье. Полное отсутствие макияжа - естественная, почти детская простота. Одета обычно, без малейшего намека на бренд: прямые джинсы и свободная

рубашка. Вика непроизвольно почувствовала почти инстинктивное презрение к такой неприязнительности, этому полному отсутствию лоска. Как к чему-то инородному, неправильному, чуждому в их доме.

-Ну что же ты стоишь, проходи. - грациозным жестом хозяйка указала на комнату. Владимир Викторович по-хозяйски устроился в массивном кожаном кресле.

Вера Алексеевна плавно скользнула на диван и похлопала ладонью рядом с собой: - Присаживайся. Кира покорно опустилась на край дивана.

А Вика, зайдя, вновь застыла в дверном проёме. – Знакомьтесь – это Кира –представил ее Владимир Викторович.

-Это - моя жена, Вера Алексеевна. Миловидное лицо снова осветила искренняя улыбка, которая успокаивала и одобряла.

Но что-то глубоко внутри Киры ожесточённо сопротивлялось этому обаянию, шепча едкое напоминание: «Ты здесь не потому, что желанна, а из-за банальной, унижительной жалости.» Все в ней противилось этому. Однако, вежливость никто не отменял, поэтому она сдержанно улыбнулась в ответ: - Очень приятно. - А это - Вика. Наша дочь. Твоя сестра.

Вика хмыкнула в ответ на реплику отца.

-Надеюсь, вы подружитесь. – отец выразительно посмотрел на дочь.

Кира тоже взглянула на Вику.

Взгляд последней говорил яснее любых слов: - «это навряд ли». В её лице не было и намёка на доброжелательность Веры Алексеевны, лишь надменная холодность. Но, вместе с этим, Кира непроизвольно отметила как их внешнее сходство, так и присущую обоим утончённую, сдержанную элегантность. Обе они выглядели аристократично и стильно даже в простой, домашней одежде. Они гармонично вписывались в интерьер этой роскошной элитной квартиры, где все говорило о достатке, благополучии и хорошем вкусе хозяев.

Кира внутренне съёжилась от чувства одиночества и чуждости этому месту и этим людям. Больше всего на свете она хотела сейчас снова оказаться в своей скромной, старенькой квартире рядом с Катей, Вадиком и Ромкой.

Владимир Викторович, почувствовав нарастающее напряжение, резко поднялся: - На этом давайте считать официальную часть законченной. Помогите Кире устроиться. Вера Алексеевна поспешно поднялась. - Мы приготовили тебе комнату. Пойдём, я покажу.

Из просторной прихожей, которую смело можно было назвать холлом, они прошли в длинный коридор, по обе стороны которого наискосок друг от друга расположились по две двери. Вика проскользнула в первую, где, по-видимому, была ее комната. Киру же Вера Алексеевна подвела к самой дальней с противоположной стороны.

- Твоя комната. Прходи. Надеюсь, тебе понравится. Комната была небольшой, но светлой и уютной. Еще не выветрился запах ремонта. Здесь было все необходимое: небольшой шкаф, узкая кровать, письменный стол и кресло.

- Помочь разобрать вещи? Кира покачала головой: - Я сама. - Располагайся и отдыхай. Скоро будем ужинать - Вера Алексеевна улыбнулась напоследок и вышла.

Кира была рада, что её оставили в покое. Она не собиралась обживать в этом доме. Не собиралась оставаться здесь дольше, чем это было необходимо. Поэтому взяла с собой только самый необходимый минимум. Всего несколько минут ушло на то, чтобы все её вещи перекочевали из чемодана в шкаф.

Атмосфера за ужином была натянутой и неловкой. Кира была напряжена и сдержанна, несмотря на доброжелательность Веры Алексеевны. Она появилась за столом в простой, выцветшей хлопковой футболке и слегка потёртых, но чистых спортивных брюках. Беглый, небрежный взгляд Вики ясно дал понять, насколько Кира не соответствует. Как будто она сама не знает!

- Расскажи о себе, Кира. Чем ты занималась? - спросил Владимир Викторович. Его слова звучали немного натянуто, слишком официально для семейного ужина. - Учёбой в основном. - её ответ прозвучал сухо и лаконично. Он уже видел её документы, знал, что она отличница. Что еще можно добавить?

- А какие у тебя любимые предметы?

В ответ неопределённо пожала плечами. Его попытка завести беседу казалась Кире скорее формальным допросом, чем искренним интересом, а его голос, хоть и старался звучать мягко, нёс оттенок снисхождения.

- Ну а чем увлекаешься? Что-то помимо учёбы?

Кира помолчала, немного подумав. Потом быстро перевела взгляд на Веру Алексеевну, словно адресуя свой ответ ей, а не Владимиру Викторовичу.

- Я... очень люблю готовить и печь. Если позволите иногда...

Кира сжала пальцы под столом. Она с самого начала решила, что найдёт способ отрабатывать своё проживание здесь, чтобы не быть обузой. И сдаваться не собиралась. Как и рассказывать о том, что научилась готовить вовсе не из любви к кулинарии, а по необходимости. Надя была самым непрактичным человеком на свете. Вот и пришлось ей после смерти бабушки самой научиться вести хозяйство. Спасибо Нине Григорьевне - помогла и многому научила. А выпечка стала ее бизнесом. Торты и пирожные она научилась делать сказочные. Вскоре её заработок был куда больше, чем скромные доходы Нади. Вера Алексеевна растерянно молчала. Тишину, сгустившуюся над столом, разорвал звонкий голос Вики:

- Пап, мам, можно я завтра уеду с Леной на дачу? - спросила Вика.

Владимир Викторович, казалось, даже обрадовался смене темы:

- Завтра вы с мамой и Кирой пойдёте в торговый центр. Кире надо купить новую одежду и все необходимое.

Кира подняла голову, её глаза, до сих пор прятавшиеся под ресницами, встретились со взглядом Владимира Викторовича. В них не было стеснения, скорее упрямство.

- У меня есть одежда. И всё необходимое. - Новая не помешает. Скоро начнётся учебный год. Ты пойдешь в новую школу... - с мягкой улыбкой проговорила Вера Алексеевна.

- Мне ничего не надо. - тихо, но с непоколебимой твёрдостью повторила Кира. Владимир Викторович нахмурился, не понимая, как пробиться сквозь эту незримую стену.

- Ты не должна стесняться. - заметил он.

Вика усмехнулась, отложив вилку с демонстративной небрежностью. Её взгляд скользнул по Кире откровенно оценивая, препарируя.

- Они пытаются сказать, что у нас элитная школа и все одеваются прилично. Есть определённые стандарты. Уж постарайся хоть немного им соответствовать, чтобы не ставить моих родителей в неловкое положение. Её слова были острыми, как осколки льда, и каждая интонация - вызов. - Замолчи сейчас же! - гневно сверкнул глазами отец.

- Вика! Ты непозволительно груба! - одновременно с ним возмущенно воскликнула мама. Вика холодно встретила их гнев:

- Я всего лишь озвучила правду. Чем быстрее она это поймёт, тем для неё же будет лучше. В нашей школе с ней никто церемониться не будет.

Она резко отодвинула стул. Поднялась.

- Я наелась. Ухожу. Меня ждут друзья.

Вера Алексеевна подавленно вздохнула. Сегодня она собиралась попросить Вику взять Киру с собой, познакомить с ребятами. Видимо, не стоит форсировать события. Пусть все идёт своим чередом.

После ужина Кира вызвалась помочь убрать со стола.

- Извини - повернулась к Кире Вера Алексеевна, когда они закончили. - Мне стыдно за Вику. Это было грубо. Я обещаю, что поговорю с ней.

Кира остановилась, глядя в пол, потом подняла глаза:

- Прошу вас, не надо. Я понимаю, что появилась в вашей жизни внезапно. И понимаю, что для всех вас это непросто.

-Как и для тебя - тихо и мягко сказала женщина.

-Да. Для меня тоже. - призналась девочка, глядя прямо и серьёзно.

Вера Алексеевна аккуратным движением погладила её по плечу.

- Но мы обязательно с этим справимся. Все будет хорошо. - пообещала она.

Кира сдержанно кивнула.

Остаток вечера она провела в комнате, где ей предстояло прожить ближайший год и старалась не расплакаться, хотя очень хотелось. Но в любой момент сюда могли войти, а демонстрировать перед чужими людьми свои слабости она не собиралась.

- Она так похожа на Ольгу Дмитриевну! – Вера Алексеевна сидела перед зеркалом и наносила на лицо ночной крем.

- Я тоже был потрясен, когда впервые увидел ее. Правда, крутой нрав моей мамы она явно не унаследовала. Владимир Викторович подошёл сзади к жене и обнял за плечи. Их взгляды в зеркале пересеклись. - Спасибо. Я говорил, что ты у меня изумительная? - Никогда не смей забывать об этом – с шутливой строгостью произнесла Вера Алексеевна. Он засмеялся и поцеловал жену в макушку. -Никогда – прошептал золотым прядям.

Мамин голос звучал совсем рядом... протяжный, жалобный стон... Кира пыталась увидеть её, но мешал густой тёмно-серый туман. Она шла в этот туман на голос, проридалась сквозь липкую, вязкую, дышащую, словно живую, зловещую массу... Пыталась кричать, чтобы мама её услышала, но голос пропадал...

Снова и снова... Ночь за ночью.. «Где же ты, мама? Правду ли сказал тот священник? Ты действительно где-то в другом мире мучаешься и страдаешь? Твой ли стон прорывается ко мне моля о помощи? Или это моя тоска по тебе так жестоко и беспощадно играет со мной?»

Этот вопрос беспокоил её, терзал, изнурял. Но ответа не было. Она проживала день за днём, стараясь заполнить их текущими делами, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, болезненных воспоминаний и буквально раздирающего её изнутри чувства вины.

Утром просыпалась разбитой и измученной. Вот и сегодня... не сразу вспомнилось, где находится...чужая комната, чужой дом, чужая семья...

Этот день стал для Киры настоящим испытанием. Как ни старалась, избежать похода в торговый центр ей не удалось. Вера Алексеевна словно неумолимый шторм, обрушивала на неё то одно, то другое платье, блузку, юбку. Каждый новый наряд примеряемый под прицелом чужих глаз, становился ударом по её хрупкому самолюбию. Одно лишь согласие жить под крышей незнакомых людей, на их иждивении, уже было тяжким бременем. А теперь приходилось принимать эти вещи - словно крохи милостыни, подаваемые сверху вниз. Кира стояла в кабинке в очередном наряде и, кусая губы, пыталась сдержать рвущиеся наружу слезы. Страдала её гордость. Если и её не станет, то с чем же тогда она, Кира, останется?

Такой её и увидела Вера Алексеевна, заглянувшая узнать, почему Кира так долго не выходит и не нужна ли ей помощь. - Кира, что с тобой? – спросила она шёпотом, протискиваясь в тесную кабинку.

Вера Алексеевна положила ей руки на плечи и заглянула в глаза.

Как же неловко! Как стыдно, что не смогла сдержать себя.

- Извините. Вы очень добрая. Спасибо. Но, пожалуйста! Не надо всего этого – выдохнула девочка. – Все необходимое у меня есть.

Вера Алексеевна задумчиво, с тихой, почти невыносимой грустью смотрела на Киру. Она просто хотела доставить ей удовольствие. Все девочки любят наряжаться. Но эта...словно маленький воин, выстраивала границы своей независимости. Вчера просила позволить ей готовить, сегодня отказывается от подарков... Не хочет быть обязанной. Храбро старается дер-

жаться невозмутимо и оставаться спокойной. А ночью металась в слезах по постели, звала маму, потому что ей страшно одной...

Комок подступил к горлу. Но Вера Алексеевна взяла себя в руки и просто кивнула, соглашаясь. Пусть будет пока так, как она хочет.

- Хорошо. Я не буду заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь.

- Спасибо.

Вика и в торговом центре и дома демонстративно игнорировала Киру. Пользуясь случаем, она прикупила себе новое платье, туфли, сумочку и кое-что из косметики...

Дома надолго не задержалась, а, как и вчера, убежала на встречу с друзьями.

Так же, как и накануне, они вместе с Верой Алексеевной убрали со стола. А остаток вечера она снова провела в своей комнате.

6 ГЛАВА

ОСВОЕНИЕ

Кира слышала, как за Владимиром Викторовичем и Верой Алексеевной захлопнулась входная дверь - они ушли на работу. Она тихонько прошла в ванную комнату, стараясь не разбудить Вику. Быстро привела себя в порядок, смывая остатки тревожной ночи, и так же бесшумно вернулась в комнату. Почти сразу следом за ней поднялась и Вика. А вскоре из гостиной донеслись звуки работающего телевизора.

Кира испытывала жгучую, почти физическую потребность уединиться где-нибудь вдали от посторонних глаз. Из окна её комнаты, в просвете между домами, просматривалась зелень лесопарковой зоны. Наверняка там отыщется укромное местечко. Быстро собралась и подошла к Вике, которая со скучающим видом переключала каналы.

- Я пойду прогуляюсь.

- Мне пофиг - ответила та, не отрывая взгляда от мерцающего экрана.

Выйдя из дома Кира, сразу же устремила к лесу. Она миновала зону барбекю и пустые в этот ранний час детские и спортивные площадки, обогнула сонное зеркало небольшого озера и маленький родник - драгоценную слезу земли, заботливо огороженный низким заборчиком. Кира все дальше и дальше углублялась в чащу, выбирая не исхоженные дорожки, а позабытые и неприметные тропинки, что уводили от суеты, обещая уединение. И вот, наконец, она оказалась на берегу крохотного пруда, почти целиком поглощенного зарослями камыша. На другой стороне, словно старая рана на пейзаже, виднелись очертания полу разрушенного небольшого строения. Спуск к воде был крут и каменист. Над ним, словно седой покровитель, склонилась старая ива, чьи густые ветви изумрудным водопадом низвергались прямо в водную гладь.

А под этой зелёной завесой, в укромной расщелине между стволом и каменистым склоном, Кира обнаружила маленький природный грот – тайное убежище, которое трудно было заметить, даже оказавшись совсем рядом. Ей понравился этот дальний, забытый людьми уголок леса. Она опустилась на землю, прислонившись к холодному камню, и все напряжение, скопившееся внутри неё за последние два дня наконец-то хлынуло наружу бурным, неистовым потоком. Она рыдала - горько, долго, безудержно, пока слезы не иссякли, а силы не покинули её тело. А потом просто продолжала сидеть, закрыв глаза, погружившись в обволакивающую симфонию: шелест листвы и нежный перезвон птичьих голосов. Вдыхала хрустальную свежесть ароматов леса и ощущала, как каждая нота этой природной мелодии, каждый вдох наполняли её новой, живой силой. Наконец, сделав, словно завершающий аккорд, глубокий вдох, она открыла глаза.

Из маленького рюкзачка были извлечены зеркальце, влажные салфетки, косметичка. Неторопливо, почти медитативно, она стирала следы пережитого, возвращая лицу невозмутимую безмятежность. Поправила волосы и поднялась. Можно выходить, возвращаться в мир, где её ждала битва за собственное «я».

Кира чувствовала прилив решимости. Теперь она хотела осмотреться в новом районе. Пришло время освоить эту территорию. И, главное, связаться с Катей. Вчера ребята звонили, но поговорить толком не получилось. Все время кто-то был рядом. Кира обещала все рассказать, как только останется одна.

- Рассказывай! - властно потребовала подруга.

- Ну... они неплохие люди... У них хорошая семья. Только вот я в неё не вписываюсь. И ещё... их дочь меня ненавидит. Хотя ее понять можно...

- Просто она пока не знает, какая ты. - Катя, как всегда, не теряла оптимизма. - Она ещё поймёт, как ей повезло иметь такую сестру. - Мы не сестры. - резко отрезала Кира.

Несмотря на принятое решение жить с биологическим отцом, она даже мысленно его так не называла. Он был для неё лишь временным опекуном, вынужденной мерой. До совершеннолетия. После Кира не собиралась иметь с этими людьми ничего общего.

- Правильно. Мы – сестры. У нас даже группа крови одна! Если бы ты её сразу признала, я бы, наверное, ревновала. А вы похожи? - Нет, совсем не похожи. Она на маму свою похожа. - Кира машинально посмотрела в сторону, где располагался дом, в котором, вероятно, сейчас находилась Вика.

Погруженная в разговор, не замечающая ничего вокруг, она внезапно, с глухим стуком, врезалась в человека, шедшего ей навстречу. Им оказался молодой парень.

- Вот чёрт! - воскликнул он с досадой.

Из его рук выскользнул пакет с продуктами, которые рассыпались по серому асфальту.

- Ой, прости! Я сейчас помогу! Катя, я перезвоню! - крикнула Кира в трубку и кинулась собирать упавшие продукты. Но пакет, как оказалось, был безнадежно порван.

- И что же мне теперь делать? - задумчиво протянул парень сидя на корточках и беспомощно держа в руках остатки упаковки. Он посмотрел в сторону супермаркета, затем в другую, видимо туда, где был его дом, что-то мысленно прикидывая. Кира тоже оценила расстояние до ближайшего магазина - далеко.

- Может, ты подождёшь здесь, а я сбегаю в магазин за пакетом? - все же робко предложила она, хоть и понимала, что ждать ему придётся долго. Парень молча, с тоскливым видом смотрел на разбросанные продукты. И вдруг Киру осенило. Она решительно скинула свою рубашку, (под ней был одет ещё топик), и без колебаний начала складывать в неё продукты. А потом ловко связала всё это в узелок.

- Ну вот и всё - улыбнулась она. - Похоже, мне придётся проводить тебя. Пошли.

Парень поднялся, и ей пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на него. Высокий, худой, с длинными, собранными сзади в хвост русыми волосами, внимательными и умными светлыми глазами - он сразу понравился Кире.

- А ты находчивая. - улыбнулся верзила.

Пока шли, познакомились. Парня звали Артём. Он остановился возле небольшого, уютного на вид ресторанчика. - Это заведение моего друга. Здесь мы найдем что-нибудь, чтобы переложить продукты.

Друга звали Сергей - весёлый, приветливый толстячок с намечающейся залысиной, что, впрочем, совершенно не вредило его обаянию. Он со смехом вручил Артему пакет и предложил Кире выпить чашечку кофе. Кира отказалась и, попрощавшись, направилась к выходу. Но в дверях замешкалась, а потом решительно повернулась и направилась к Сергею. - У вас найдется для меня работа? По вечерам. А то скоро начнётся учёба.

- Студентка что ли? Подрабатывать хочешь? - Ну... да.

Сергей весело посмотрел на Артёма:

- Что скажешь, партнёр, возьмём девушку на работу? Похоже, она шустрая и сообразительная. А мне как раз официантка нужна.

Артем посмотрел на Киру: маленькая, худенькая, лицо совсем детское. Только глаза выдают уже не ребенка, а взрослую девушку. Спокойный, уверенный взгляд.

- Работа тяжелая. Думаешь, справишься?

Она, не отрывая взгляда, кивнула.

- Да.

Они договорились, что Кира приступит к работе уже завтра, после обеда.

- Ты больше не будешь печь? - Спросила Катя, когда Кира ей всё рассказала. Её голос был полон искреннего удивления. - Просто здесь есть заказ на большой свадебный торт на следующую неделю. Навряд ли ты успеешь, если устроилась работать...

- Я обязательно успею. Ты принимай заказы. - решительно заверила подругу Кира.

- Конечно. Все сделаю, как ты скажешь. - Катина поддержка и вера в Киру всегда были непоколебимы.

Она вела активную работу в интернете по продвижению её продукции, получала заказы, вела переговоры с клиентами, освобождая Киру для главного - творчества в создании кондитерских шедевров.

Вики дома не оказалось, что очень обрадовало Киру. Она занесла пакеты с купленными необходимыми ей продуктами на кухню и приступила к осуществлению задуманного.

Кира пекла торт. С одной стороны, это был её способ поприветствовать и выразить благодарность людям, которые приняли её. С другой - и это было главное - это была демонстрация мастерства. Ей надо было убедить хозяйку дома в том, что она в этом деле профессионал и получить разрешение использовать её кухню.

Вечером, вернувшись с работы, Вера Алексеевна потрясенно застыла в дверях кухни. На столе стоял небольшой, декоративный аквариум: в прозрачной голубой воде, среди водорослей, кораллов, камней и коряг причудливой формы, живописно расположившихся на песке с галькой, находилось несколько ярких, разноцветных экзотических рыбок. А возле аквариума, встав на задние лапки, маленький котёнок пытался дотянуться до золотой рыбки. На минуту ей показалось, что котёнок и рыбки живые. «Откуда?» - мелькнула удивлённая мысль. Она подошла, опустилась на стул, продолжая потрясенно рассматривать это чудо. Тихо вошла Кира.

- Я испекла торт. Хотела вас угостить.

Вера Алексеевна медленно перевела взгляд на Киру, затем снова на аквариум, не до конца осознавая слова девушки.

- Торт? Кира... Но это же...

Глаза Веры Алексеевны расширились от изумления. Она снова взглянула на идеально прозрачную «воду», на сверкающую «чешую» рыбок, на изящную фигурку котёнка. От неожиданности и такого мастерства у неё перехватило дыхание.

- Торт? - прошептала она, не веря своим глазам. - Но... как? Он же... Он выглядит абсолютно настоящим! Водоросли, кораллы... даже песок! И рыбки... они же как живые! А котёнок...

Кира... милая моя... Это же невероятно! Это не торт, это произведение искусства! Даже не представляю, что можно это чудо разрезать и съесть. - сказала она восхищённо.

- Его можно есть. Он вкусный. Честно! - улыбнулась Кира.

- Когда позавчера ты сказала, что любишь печь, я и подумать не могла, что ты так талантлива!

- Иногда я пеку на заказ. Не хочу терять своих клиентов. Вы позволите мне пользоваться вашей кухней? Или я могу ездить на свою квартиру...

- Ни в коем случае! Твоя квартира далеко, не наездишься. А здесь теперь твой дом. И я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно. Поэтому кухня со всеми бытовыми приборами и посудой – все в твоём полном распоряжении. Единственное, я бы хотела, чтобы ты не считала себя обязанной специально что-то для нас делать. Ты родная дочь Владимира Викторовича. Сестра Вики. Ты – член этой семьи. Я очень надеюсь, что ты привыкнешь.

Кира поняла, что вчера не ошиблась, подумав, что эта женщина видит ее насквозь.

- Это всего лишь то, что я привыкла делать, и что мне нравится.-мягко, но настойчиво произнесла Кира.

Вера Алексеевна кивнула, соглашаясь.

-Когда придет Владимир Викторович... мне надо будет поговорить с вами. – сказала Кира и выскочила из кухни.

За ужином, когда она сказала, что будет работать, все пришли в замешательство. Вернее, Вера Алексеевна и Владимир Викторович. Вики дома, как обычно, не было.

- Кира, мы не нуждаемся. И если тебе что-то понадобится, ты просто скажи. Ты, как и Вика, будешь получать деньги на карманные расходы. Скоро начнётся учёба. Выпускной класс. Я думаю, что это не очень хорошая идея. – Вера Алексеевна была явно расстроена.

Кира перевела взгляд на Владимира Викторовича, который хмурился, не произнося ни слова.

- Мы же с вами договаривались, - в её голосе не было ни каприза, ни просьбы, только твёрдая констатация факта.

Владимир Викторович, наконец, отложил вилку. Ему не нравилась эта ситуация.

Да, действительно, девочка поставила условие, что будет самостоятельно зарабатывать. А он не будет ей в этом препятствовать. И только так согласилась на его опеку и переезд. Он тогда воспринял это как юношеский максимализм, как попытку показать свою значимость. Теперь же, глядя на её серьёзное, чуть упрямое лицо, он понимал, что она была настроена абсолютно серьёзно.

Кто же знал, что она чуть не в первый же день найдёт себе работу. Он не хотел соглашаться. Но и запретить не мог. Он дал слово, и нарушать его было не в его правилах.

- Хорошо, - наконец произнёс он. - Но договор действителен до тех пор, пока с учёбой не будет проблем. Договорились?

Кира кивнула, на её губах мелькнула едва заметная улыбка.

- С учёбой все будет в порядке!

- Думаю, в ней гораздо больше от твоей мамы, чем может показаться на первый взгляд.- задумчиво сказала Вера Алексеевна мужу, когда они уже готовились ко сну.

Владимир Викторович молчал. Он привёл Киру в семью, потому что считал, что именно так должен поступить. А после даже и не знал, как общаться с этой сдержанной и, по сути, совершенно чужой девочкой. Тревожило и то, что Вика стала отдаляться. Они оба словно стеснялись при Кире выражать открыто свою взаимную привязанность.

- Вика со временем все поймёт. - Словно угадав его мысли, произнесла Вера - ты должен в неё верить.

Он благодарно сжал руку жены.

7 ГЛАВА

РАБОТА.

Ресторан, куда устроилась Кира, оказался не просто популярным местом, а настоящим бурлящим котлом, где жизнь кипела непрерывно. Зал гудел, словно разбуженный улей. Суэта, звон посуды, приглушённый ропот голосов – все это сплелось в плотный вибрирующий фон,

ставший для Киры пульсом новой жизни. Заказы сыпались как из рога изобилия. Дел было невпроворот, только успевай поворачиваться. Как раз то, что сейчас было для неё жизненно необходимо. Она хотела так загрузить себя работой, чтобы не оставалось ни времени, ни сил даже думать... чтобы проваливаться вечером от усталости в такое глубокое забвение, где нет никаких сновидений и тревог.

Но не находила она покоя. Один и тот же сон настойчиво стучался в двери её сознания... продолжал преследовать и звать... голос мамы...

Днём все это казалось тусклым эхом ночного кошмара. Но ночью все оживало, становилось мучительной, осязаемой реальностью.

Днём все вокруг кричало ей, что Нади больше нет в этом мире. Он, мир, наглый и беспечный, продолжал быть, вертеться, залитый сиянием солнечного диска, над суетливым человеческим муравейником. Нёсся куда-то шумно и суматошно, словно вся эта жизнь не была ни тщетной, ни тленной, ни хрупкой. Но Кира теперь знала, как он равнодушен и беспощаден. Забыться. Отвлечься. Не думать... Она хваталась за работу, как за единственный доступный ей спасательный круг. К тому же, она все ещё чувствовала себя не в своей тарелке в чужом для неё доме. Тем более, что отношения с Викой так и не складывались. Вот если бы на её месте была Катя, она бы давно пробила Викину броню и подружилась с ней. Но Кира и не хотела. Не хотела привязываться к этим людям. Не хотела любить их. Не хотела чувствовать тепло в груди, которое возникало от доброй улыбки и мягкого голоса Веры Алексеевны. Боялась привикнуть и стать зависимой от уюта и покоя, исходящих от этой женщины. Она не хотела к ним привязываться, но и обижать их тоже не хотела. Поэтому самым лучшим выходом ей виделось – держать дистанцию, поменьше общаться. Кира решила не обижаться на Вику. Но все равно было больно и неприятно. Ничего, она справится. Должна.

Сергей оказался хоть и требовательным, но доброжелательным и справедливым боссом. Частенько заглядывал и Артём, который, как оказалось, был совладельцем заведения. Хотя заправлял здесь всем Сергей. Он рассказал, что, когда решил осуществить свою давнюю мечту и открыть ресторан, денег у него не хватало, кредит на нужную сумму получить не удавалось. Артём тогда только вернулся из Китая, где работал несколько лет после института, и предложил вложить свои сбережения. Так они стали партнёрами.

Вот и сейчас они вместе стояли у барной стойки и наблюдали, как Кира проворно сновала между столиками, обслуживая посетителей. Быстро и ловко, без лишних движений, на ходу вытирала салфеткой капли пролитого сока, подбирала оброненную кем-то ложку, принимала очередной заказ... Все подмечала, все успевала. - Девчонка - настоящий ураган! Работает за троих! Трудолюбивая, безотказная. - Слишком безотказная- недовольно пробурчал Артем. - Тебе не кажется, что некоторые нагло этим пользуются и спихивают ей свою работу. Причём самую грязную и трудоёмкую.

Почему-то его это раздражало. - Да заметил я – согласился с другом Сергей. – Только ведь она сама им позволяет. Что я могу сделать... - Неужели такая глупая, что не понимает, как её нагло эксплуатируют? -Что-то подсказывает мне, что эта девочка совсем не глупа...- задумчиво возразил друг.

Вечером, после закрытия, Артем подошёл к Кире, которая на кухне яростно выдраивала плиту. - Кира, это не входит в твои обязанности. Это дело работников кухни. А у тебя зал.

Но она лишь улыбнулась:

- В зале я уже закончила. А здесь... я не возражаю. – и невозмутимо продолжила битву с жиром и нагаром.

«Ну что за девчонка? Хорошо, конечно, если человек добросовестно работает. Но не загонять же себя так!» - подумал Артём

-Когда закончишь, я провожу домой. Поздно уже.

- Не надо. Я прекрасно доберусь сама. Здесь недалеко.

- Вот именно, недалеко. Так что меня не затруднит. К тому же нам по пути.

По дороге домой они беззаботно болтали. Артем увлекательно рассказывал про Китай разные захватывающие истории и забавные случаи, описывал их обычаи. Любопытная Кира жадно впитывала в себя новую информацию, заслушалась буквально раскрыв рот. Но когда он сказал, что там в качестве домашних питомцев держат сверчков, она недоверчиво рассмеялась:

- Не верю! Ты разыгрываешь меня!

-Я серьёзно! Бой сверчков – одно из древнейших и самых популярных развлечений в Китае! - убеждал Артем.

- Как ты попал в Китай? Трудно было выучить язык? - поинтересовалась Кира.

-Язык я выучил ещё до того, как уехал. В университете у меня был друг китаец. Он хорошо говорил по-русски, и подтрунивал надо мной, что мне слабо выучить китайский. Я поспорил, что выучу. Через пять лет говорил уже довольно сносно. Кстати, он же был моим учителем. И он же пригласил меня на работу.

Рядом с Артемом Кира чувствовала себя на удивление легко и комфортно. Он был дружелюбен, ненавязчив и тактичен.

- Я дома. Спасибо, что проводил!

- Это было не трудно. Ты много работала. Хорошенько отдохни!

Дома ее ждала Вера Алексеевна. Владимир Викторович был на дежурстве. А Вика уже спала.

-Устала? Поешь и ложись спать.

- Я поела на работе. Завтра надо отдавать заказ. Я с утра приготовила коржи и крем. Сейчас надо сделать торт. А вы идите отдыхать.

- Нет. Останусь и помогу тебе! - И не успела Кира возразить, как она добавила:

-Никаких возражений. Думаешь, ты одна здесь упрямая?

Кира улыбнулась и кивнула.

Однако скоро обоим стало ясно, что её вмешательство не помогает, а наоборот, мешает. Но, замороженная тем, как Кира все это делает, она осталась на кухне в качестве зрителя. Наблюдала, как под ловкими Кириными руками возникал очередной шедевр – трехъярусный белоснежный торт, который словно бы вырос из букета рассыпанных бледно розовых роз, обвивался золотой лентой на втором ярусе и завязывался бантиком на открытке с поздравлением, и завершался сидящей на третьем ярусе фигурке девушки с огромными крыльями ангела за спиной.

Фигурка изображала ту самую девушку, к шестнадцатилетнюю которой и делался торт. Судя по фотографии – сходство было просто поразительным.

Дизайн тортов Кира разрабатывала сама, предварительно детально их прорисовывая. И сама же делала все фигурки из мастики. Способности к рисованию – это от бабушки, которая была художником оформителем. И она же - её первым педагогом. Потом – художественная школа, которую с отличием закончила год назад. Навыки очень пригодились, когда потребовалось зарабатывать. - Идите отдыхать. Вам же утром на работу. - попробовала Кира выпроводить Веру Алексеевну, заметив, как та подавляет зевок.

- Нет. Я подожду и помогу прибраться – пыталась сопротивляться Вера Алексеевна.

- Да вы уже спите!

- Да, ты права. Скажи, как тебе удаётся так мало спать, так много работать и оставаться бодрой? - Полагаю, привычка и юный возраст. – лукаво улыбнулась Кира

Вера Алексеевна засмеялась:

- Ах ты, дерзкая девчонка! Намекаешь на то, что я уже стара? - Совсем нет! - вдруг стала серьёзной Кира. – Просто завтра вас ждут больные. Вы и правда должны отдохнуть.

«Какая же ты заботливая и взрослая! Немного беспечности и лёгкости, свойственных юности, тебе бы совсем не помешали!» - подумала Вера Алексеевна, но вслух ничего не сказала, а только улыбнулась и поднялась.

- Пойду, пожалуй.

8 ГЛАВА

ВТОРЖЕНИЕ

Вика никак не могла смириться с появлением в их семье этой новоиспечённой «сестры». Её безумно раздражали невозмутимость, правильность и кротость Киры, которые казались Вике неестественными, фальшивыми. А больше всего - это лакейское стремление всем угодить. Квартиру вылизывает так яростно, словно ей за каждую пылинку платят золотом. Каждое утро встаёт раньше всех и готовит завтраки.

Да, с её появлением дом наполнился вкусными ароматами, да, её торты и пирожные вызывают невольный восторг и восхищение даже у неё, Вики. И это ещё сильнее бесит!

Сначала Вика демонстративно отказывалась есть то, что готовит Кира. А потом решила: «С чего это? Если Кире нравится изображать из себя Золушку и прислуживать всем, то это её собственный выбор. Причём здесь я? Готовит, кстати, вкусно.»

- Все стараешься выслужиться? - спросила она однажды, с вызовом глядя на Киру и с демонстративным аппетитом уплетая приготовленный ею блинчик с мясом.

Та, в этот момент вытиравшая пыль в гостиной, даже не вздрогнула.

- Да - коротко и невозмутимо ответила она, не поднимая головы и не прерывая своего занятия. В этот час дома не было никого, кроме них двоих. Кира всегда старалась подгадывать так, чтобы выполнить всю работу, когда квартира опустеет.

- Ну, ну, старайся...продолжай в том же духе...

Вика понимала, что ведет себя некрасиво. Что её слова - острые занозы, которые она вонзает в Киру - жестоки и совершенно несправедливы. Но разум в данном случае уступал место бушующим эмоциям. Родители прямо испереживались, что девочка так упорно и много трудится! И на работе-то она допоздна, и заказы на торты расписаны на месяц вперёд... Скоро начнут в пример Вике ставить! Как же! Такая скромная, трудолюбивая... А про поговорку, что в тихом омуте черти водятся, все забыли?

- Я злая и нехорошая? - спросила она как-то у Макса, честно выплеснув ему всю свою неприкрытую, болезненную неприязнь к Кире.

- Ты просто честная. Ведёшь себя так, как чувствуешь. И мне это очень нравится в тебе. Ненавижу лицемерие и ложь, - его спокойный голос успокаивал её взволнованную совесть, обволакивал, словно тёплый плед.

- А что касается твоей сестры, я уверен, что постепенно все наладится. Просто тебе необходимо время, чтобы привыкнуть и принять ситуацию. Это нормально.

Вика была благодарна за его искренность, за то, что он не поучал, не осуждал её, а относился с пониманием. Он оставался на её стороне, даже если и не одобрял её действий.

Не то что Ленка.

- Дура ты! Ведёшь себя незрело и жестоко! Ну накосячили когда-то давным-давно твой папа и её мама. Девочка-то в чем виновата? Ей и так, наверное, несладко приходится. А тут ещё ты со своими выкидонами! - как всегда резко и категорично высказалась она, когда она узнала обо всем.

Вика сначала не хотела ей ничего рассказывать. Она сама однажды спросила:

- Что за девочка живет у вас?

- Откуда ты знаешь?

- Эй, я вообще-то по соседству живу. В лифте несколько раз столкнулись. Видела, как она направлялась к вашей квартире.

Одно дело – молчать, и совсем другое – лгать. Тем более Ленке, которую уважала. Поэтому пришлось выложить правду, как она есть.

Однако, как объяснить прямолинейной и бескомпромиссной Ленке, что её мир вдруг перевернулся с ног на голову? Что идеальный образ отца, которого она боготворила с детства, дал глубокую трещину? Между ними словно пробежала чёрная кошка - Кира. Отцовское предательство и ложь бросили тень на всю её жизнь. Конечно, девочка ни в чём не виновата... Но ведь и она, Вика, тоже...

А между тем неумолимо приближалось начало учебного года. Москва, словно пробуждаясь от летней спячки, вновь наполнялась суетой. Все потихоньку подтягивались в город. Вот и Кристина вернулась – и сразу же заявила в гости. Энергичная, самоуверенная, загоревшая и похорошевшая, она казалась воплощением беззаботности и лёгкости, резко оттеняя внутреннее смятение и тревожность Вики. Которую всё больше волновало, как она представит Киру в школе.

Вот уже несколько часов подряд Кристина без умолку трещала, совершенно не замечая, нарастающего напряжения и нервозности Вики. Та то и дело беспокойно поглядывала на часы, ожидая Киру с работы, и лихорадочно придумывала, как бы тактично выпроводить подругу. К счастью, Кристина никогда не отличалась особой наблюдательностью. Все её интересы вращались вокруг собственной персоны – она была зациклена исключительно на себе, любимой. Но Вика нервничала.

9 ГЛАВА СТОЛКНОВЕНИЕ

День выдался особенно тяжёлым и вытянул из неё все силы, словно безжалостный насос. Кира еле дотащилась до дома. Ключ ещё не коснулся замочной скважины, как дверь распахнулась, и Вика выскочила в коридор.

- Ко мне пришла подруга. Я не хочу, чтобы она тебя видела. Так что проваливай и погуляй часик. - Это была не просьба, а приказ, брошенный с таким пренебрежением, что Кире стало больно дышать. Вика, не дожидаясь ответа, просто захлопнула перед ней дверь.

В поведении Вики не было ничего необычного и неожиданного. Кира думала, что уже выработала иммунитет к её грубости. Но прямо сейчас броня безразличия, которую она так тщательно выстраивала вокруг себя, похоже, дала трещину.

Кира развернулась и пошла прочь. «Мне всё равно на тебя!» - повторяла она про себя словно мантру. Однако в горле стоял вязкий, удушающий комок, словно пригоршня песка. Грудь сдавило невидимыми тисками, каждый вдох отзывался острой болью. Предательские слёзы обжигали глаза, готовые в любой момент хлынуть потоком. Разрыдаться посреди улицы, выставив напоказ свою израненную душу - этой последней капли унижения она не допустит.

Измученные ноги несли её прочь, в спасительную, сумрачную глубь леса, к заброшенному пруду. Это было её тайное, священное убежище, где последнее время она часто пряталась среди старых деревьев и призрачной глади воды, чтобы выплеснуть скопившуюся горечь, обиду и злость. Этот пруд был хранилищем её слёз и отчаяния. И сейчас, сквозь стущающуюся ночную тьму, она неслась туда, где, казалось, замирало время, и каждый шорох леса обещал унять её нестерпимую боль.

Вот, наконец, знакомый пруд и поросшая мхом стена.

Внезапно она уловила сквозь плотный шёпот листвы тревожный гул мужских голосов, затем резкий, рваный крик, словно вырванный из чьей-то груди. Вопреки всякой логике и шёпоту инстинкта самосохранения, Кира, ведомая невидимой силой, шагнула в сторону жутких звуков.

Скрывшись в плотной, почти осязаемой темноте, она стала невольным свидетелем чудовищной сцены: два мужских силуэта склонились над третьим, безжалостно его терзая. Плен-

ник был беспомощно распластан на земле, крепко связан по рукам и ногам, его обнаженный торс мерцал бледной плотью в зыбком свете. К его животу была грубо примотана большая кастрюля, и Кира с ужасом поняла, что она не пуста. Внутри явно билось в плену живое существо: кастрюля ходила ходуном, из-под неё доносились отчаянные скребущие звуки и тихое, надрывное поскуливание.

- Вы совсем спятили?! Отпустите меня! Это уже не смешно! — захлёбываясь от ужаса и ярости, хрипел пленник, его голос срывался на визг.

- Это ЕЩЁ не смешно. Настоящее веселье только сейчас начнётся, - мрачно, с зловещей усмешкой, проронил высокий парень. Его чёрные растрёпанные волосы падали на лоб, а мощные, рельефные мускулы, которые едва сдерживала чёрная спортивная майка, казались вылепленными из камня.

Второй, чуть ниже ростом, с русыми короткими волосами, поначалу казался менее устрашающим. До тех пор, пока в его руках не появилась горелка соединённая с газовым баллоном. Он небрежно, с щелчком зажёл её, и язык синего пламени, хищно облизываясь, заплесал в опасной близости от побледневшего, искажённого ужасом лица пленника.

- Сейчас мы начнём нагревать кастрюльку, - спокойно, с почти отеческой доброжелательностью, произнёс он — И Микки Маус, который находится там внутри, начнёт превращаться в настоящего монстра. Как ты думаешь, что он будет делать, когда ему станет по-настоящему жарко?

- Вы точно сумасшедшие! Пожалеете об этом! - выкрикнул пленник, в его голосе смешались отчаяние и обречённая ярость.

- У тебя есть пять секунд. Пять, четыре, три, два, один, - монотонно, с безжалостной скоростью отсчитал черноволосый качок и, не давая пленнику и мгновения на раздумья, бросил своему сообщнику, державшему горелку: - Начинай!

Тот, без единой тени сомнения, поднёс пульсирующий язык огня прямо к металлическому дну кастрюли. Шутки закончились. Началась реальность, куда страшнее любого кошмара.

- Остановитесь! - отчаянный, надломленный крик вырвался из пленника, когда он увидел приближающееся пламя.

Внутри Киры, схлестнулись в борьбе противоречивые импульсы. Один, голос древнего страха, вопил: «Меня это не касается! Беги, уходи прочь!». Но ему навстречу уже рвалась другая мысль, судорожно перебирающая в мозгу все возможные ходы: «Как остановить этих мучителей? Что можно сделать?»

Внезапно в голове Киры, словно вспышка, промелькнула отчаянная идея. Неподальку, буквально в паре шагов, на земле лежала спортивная сумка, поверх которой небрежно бросили олимпийку. Рядом с ними, зловеще мерцая экраном в темноте, лежал сотовый телефон. По спортивным брюкам качка, Кира поняла, что вещи принадлежат ему. Её мозг, несмотря на панику, лихорадочно просчитывал шансы, расстояние до сумки и до парней. Они стояли к ней спиной, поглощённые своим жестоким «весельем». Если действовать бесшумно, если повезёт... она может успеть! Словно кошка, Кира осторожно, крадучись, двинулась вперёд, стараясь, чтобы ни одна веточка не хрустнула под ногой, ни один лист не зашуршал. Каждый шаг таил опасность и давался ей с трудом. Вот она уже рядом. Протянув руку, подхватила сумку вместе с олимпийкой, а затем, словно обжигающий уголь, схватила телефон. И в этот самый момент, оглушительный, пронзительный трель звонка разорвал тишину, впиваясь в ночную мглу.

Кира моментально, почти инстинктивно, отклонила вызов, но было уже поздно. Звук, пусть и короткий, словно выстрел, привлёк внимание мучителей. Они резко, синхронно развернулись.

- Полиция уже едет, а это - улика! Отдам в участке! - выкрикнула она первое, что пришло в голову, демонстрируя им телефон, словно трофеем. Адреналин бурлил в крови, придавая голосу неожиданную силу. Не дожидаясь реакции, она развернулась и бросилась бежать.

Парням понадобилось всего несколько секунд, чтобы осознать происходящее и броситься в погоню. Но эти драгоценные мгновения оказались для Киры спасительными. Едва оказавшись за стеной, отделявшей её от них, она, словно кролик, юркнула под знакомую раскидистую иву, и нырнула в крохотный грот, который заприметила ранее. Руки тряслись, когда она лихорадочно отключала телефон, чтобы следующий звонок не выдал её убежище. Затаившись, она слушала, как топот ног проносится мимо, удаляясь в чащу.

Подождав ещё несколько долгих секунд, убедившись, что погоня ушла вглубь леса, она осторожно выбралась из укрытия. Бросив на землю захваченные сумку и телефон, она метнулась к связанному пленнику. Как же сейчас пригодился нож Вадима, который она всегда носила в рюкзаке. Руки её работали быстро, проворно разрезая верёвки.

Вдруг, из-под кастрюли, словно выпрыгнув из преисподней, выскочила огромная крыса и, мелькнув серой тенью, умчалась в темноту. Кира чуть не вскрикнула от неожиданности, но удержалась.

- Ублюдки, сволочи! Вы ещё пожалеете об этом! - вырвалось из пленника, когда последние верёвки пали. Он потирал красные, натёртые запястья.

- Беги скорее. Они вернутся! - выдохнула Кира, подгоняя его. Её лицо осветил фонарик мобильного телефона.

- Спасибо. Я - твой должник, - прошептал парень, и канул в ночную мглу.

Кира осторожно скользила между тенями деревьев, пробираясь домой. Страху заблудиться или быть пойманной не было и в помине - лес был для неё не чужим, а давним другом. С тех бесчисленных летних дней, проведённых с друзьями на даче у Кати, где лес был их домом, местом походов, игр в индейцев, следопытов, охотников...

Наконец, выйдя из объятий чащи, она двинулась к дому. На всякий случай, пытаясь слиться с окружающей мглой, Кира натянула поглубже капюшон своего худи, пряча лицо в тени. Вокруг было тихо, ни души. Она почувствовала облегчение приблизившись к подъезду. Но как только хотела открыть дверь, из-за её спины вдруг возникла рука и захлопнула её.

Почти одновременно вторая рука резко стянула с её головы капюшон, сорвав вместе с ним ленту. Волосы, освободившись от пут, тяжёлым волнистым водопадом рассыпались по спине. Кира вздрогнула от неожиданности. Медленно обернувшись, она наткнулась на жёсткий, пронзительный взгляд. Черноволосый качок стоял прямо перед ней. Его серые глаза, холодные, как отполированный металл, впились в неё.

Вместо паники, которая должна была бы захлестнуть её, внутри Киры воцарилось полное, почти ненормальное спокойствие. Так всегда с ней случалось в моменты крайней опасности. Организм блокировал все эмоции, погружая её в состояние своеобразной анестезии. Она не отвела взгляда. Смотрела прямо в эти стальные глаза, и они сверлили друг друга в безмолвной, немигающей дуэли.

- Да кто ты такая? Откуда взялась? - наконец нарушил тишину он. Его голос был удивительно тих. В нём прозвучало удивление, и ещё что-то, что Кира не могла определить. Она продолжала молчать, всё так же не отводя взгляда. «Хорошо, что тренировала этот змеиный, немигающий взгляд», - пронеслось в голове, припоминая, как слезились глаза во время этих странных упражнений. Зато, теперь пригодилось. Она решила: ни за что не спасует.

Парень медленно запустил руку в её волосы, крепко сжимая их в кулак. Кира стиснула зубы, но не вздрогнула и не отвела глаз.

- Напрасно ты это сделала, - сказал он. И ей почудилась в его голосе вовсе не злость, а... что это?... боль?... разочарование?....

Он резко развернулся и растворился в темноте улицы.

Только дома Кира поняла, что нож исчез.

10 ГЛАВА ИЗНАНКА

Кирилл раздражённо швырнул нож на стол. Острый звук эхом прокатился по комнате. Он нахмурился, затем, повинаясь инстинкту, взял его снова. Лезвие хищно блестело в свете настольной лампы. Присмотрелся. Ничего себе! Это же болисонг! Вполне может быть использован как серьёзное оружие. Зачем она, черт возьми, припёрлась ночью, вооружившись им, в эти развалины? Зачем влезла и все испортила, когда он уже почти расколол Прилучного, и тот готов был все рассказать?

Они с Игорем рванули за ней, чтобы перехватить, но девчонка как сквозь землю провалилась. А когда вернулись – уже никого не было. Оказывается, она и не убежала вовсе, а затаилась и освободила их пленника. Его ярость смешалась с восхищением. Конечно, он жутко разозлился на неё за то, что влезла и все испортила. Но и невольно оценил смелость и сообразительность – всегда ценил и уважал эти качества. А эта девчонка, похоже, обладала ими в избытке.

Позже, возвращаясь домой, он случайно увидел, как она осторожно пробирается по улице напялив капюшон пониже на голову. Все равно узнал. По осанке и особой, нервной грации. И не смог удержаться. Что-то толкнуло его к ней. Может инстинкт охотника, а может желание разобраться. Стоило немного припугнуть эту отчаянную малышку, чтобы впредь была осторожнее и не нарывалась на неприятности.

Он нагнал ее у самого подъезда. Захлопнул дверь парадного, в которое она собиралась зайти, и стянул с головы капюшон. Когда упала и рассыпалась по спине крупными локонами шелковистая масса волос, он почувствовал тонкий, сладкий, пьянящий аромат, вовсе неуместный в этой ночной стычке. Невольно наклонился, вдыхая нежный запах. Но тут девочка повернулась, и их глаза встретились. Это не был взгляд робкого и испуганного ребёнка. Она смотрела прямо, строго, без тени страха, не отводя взгляда. Он же, глядя на неё, как дурак, тонул в бездонной пучине этих каких-то совершенно невероятных, колдовских глаз, забыв, зачем догонял. Кто она такая? Он правда спросил об этом вслух? Память все ещё хранила ощущение шелка волос в его ладони. Он поднёс руку к лицу, словно бы проверяя, не сохранился ли на ней её аромат. Вдруг, сообразив, что делает, резко отдернул руку. «Хрень какая-то! Необыкновенные глаза? Бред! Просто у того подъезда было тусклое освещение. Вот и показалось.»

Сейчас надо думать о другом. О том, как выяснить, откуда у этого подонка фотография его матери. Что он знает о ней? Что их связывает?

Накануне они с Игорем играли в бильярд в его клубе, когда ему на телефон пришло сообщение. Отправитель - Прилучный. - Тебе же нравятся мои шлюхи. Хочешь, поделюсь ещё одной? Зацени.

И следом, словно удар под-дых, прилетела фотография его матери.

Врагом в лице Прилучного Кирилл обзавёлся почти сразу после приезда. Уже давно отошла в прошлое и стала неважной для обоих голубоглазая первопричина конфликта, но взаимная, острая неприязнь не только не утихла, а окрепла, превратившись в непримиримую вражду.

Его появление тогда в новой школе вызвало бурный фурор и чрезмерно взбудоражило прекрасную половину. Даже несмотря на то, что именно в их классе уже учился предмет всеобщего женского обожания и поклонения - Строгов Андрей – изящный белокурый парень с томным взглядом, лицом ангела и манерами аристократа, принимающий все знаки внимания со снисходительной улыбкой.

Сам Кирилл на ровесниц смотрел свысока. Предпочитал девушек постарше. Чтобы все было по-взрослому и без обязательств.

Однажды к нему после уроков подошла девушка, учившаяся в выпускном классе.

-Я поспорила, что смогу соблазнить тебя. - дерзко и прямолинейно заявила она вскинув подбородок.

Он оценивающе посмотрел на неё. Симпатичная.

- На что поспорила?

- На желание! Дело принципа! Медленным, нарочито сексуальным жестом она сняла с волос заколку, рассыпая волосы по плечам, глядя на него вызывающе призывно.

Кирилл усмехнулся: - Пошли.

- Мы собираемся заниматься. Вы будете мешать. Сегодня свободны - небрежно бросил он домработнице, проходя в комнату с новой подружкой. Та послушно и безропотно удалилась. Занимались они долго и с удовольствием.

А на следующий день во время перемены к ним в класс, в сопровождении свиты из трёх человек, нагрянул Костик Прилучный. Мажорный сын известного депутата и бойфренд той самой девчонки, у которой Кирилл вчера даже имени не спросил. Но об этом он узнал позже. А в тот момент просто удивился, когда Прилучный грозно рывкнул:

-Кто здесь Климов?

Кирилл поднял голову от учебника: - Ну, предположим, я. Что надо?

Костя развязной походкой хозяина всея школы подошёл к его парте: - Так это ты, малолетний щенок, на старших девочек прыгаешь?

Кирилл поднялся. Он оказался на пол головы выше своего противника и значительно шире его в плечах. Его спокойный холодный взгляд из под вопросительно поднятой брови заставил Костика стушеваться и непроизвольно отступить на шаг. Но Прилучный быстро взял себя в руки и, надменно вскинув голову, процедил сквозь зубы: - Если такой борзый, то приходи после уроков на пустырь за школой. А если засышь и не придёшь...

- Приду- перебил его Кирилл.

После уроков он сразу направился прямо на пустырь, обходя гомонящую толпу. Один. Потому что из-за своего высокомерного и независимого нрава друзей не завёл и даже не пытался вписаться в коллектив.

Там его уже поджидали. Четверо. Кирилл медленно приближался, его взгляд, острый и цепкий, рыскал по фигурам, сканируя и вычисляя самого сильного в этой стае. Если вырубит лидера и главного бойца, то не будет проигравшим.

Кто-то его догнал и пристроился рядом. Кирилл обернулся. Андрей Строгов молча коротко улыбнулся и перевёл взгляд на ошетилившихся старшеклассников, тоже оценивая противника. Сразу вслед за ним подбежал Игорь Дворжецкий – эталонный ученик, каким и положено быть сыну директора школы.

-Второй справа - борец, чёрный пояс - негромко бросил Игорь. Его, обычно сдержанный и добродушный голос прозвучал неожиданно жёстко.

-Он мой. И Прилучный.- ответил Кирилл. Его глаза зафиксировались на цели.

- В красной олимпийке - мой - лаконично выбрал Андрей.

-Понял- коротко кивнул Игорь.

В этом коротком диалоге и быстром обмене взглядами между ними родилось нечто новое - понимание и боевое братство.

Кирилл был искренне удивлён: он не ожидал, что утонченный, изысканный Андрей окажется так хорош в драке. Гибкий, как пантера, неуловимо стремительный, он грациозно танцуя уходил от ударов с немыслимой скоростью, сам нанося их с невероятной силой и хирургической точностью.

Игорь уступал ему в изяществе техники, но бесшабашная отвага и яростная решимость выдавали в нём грозного противника.

Они победили. И с того дня стали друзьями.

Ладно, с Прилучным он разберётся! И выкинет из головы девочку с колдовскими глазами. Но всё-таки интересно, что она делала ночью одна в лесу? Точно ненормальная!

11 ГЛАВА

ВИНА

На следующий день, поднявшись ни свет ни заря, когда все ещё спали, Кира, гонимая тревогой, отправилась в лес. Утренний туман ещё цеплялся за осоку, но она не видела ничего, кроме травы и земли. Шаг за шагом она прочёсывала каждый сантиметр пути, по которому вчера возвращалась домой, выискивая блеск стали. Её взгляд, лихорадочно шарящий по влажной траве, цеплялся за каждый камень, за каждый отблеск росы. Её пальцы судорожно разгребали опавшие листья и траву. Снова и снова, тщательно, пядь за пядью, она прочёсывала лес. Тщетно. Безрезультатно. Уже пора было идти на работу, но она все ещё не была готова сдаться. Не могла смириться с тем, что нож, который так бережно хранил Вадим и который так много для него значил, она потеряла.

Артем незаметно, стараясь не привлекать внимания, наблюдал за Кирой. С некоторых пор он начал понимать, что за её яростным трудоголизмом таится не просто старание и желание заработать, а скорее, стремление забыться, отчаянная попытка побега от чего-то невыносимого. За её неизменно приветливой и вежливой улыбкой он замечал такую пронзительную боль, затаившуюся в глазах, что невольно сжималось сердце. Кажется, это не должно его волновать. Но волнует. Её тихое, непоказное упорство и упрямство, спрятанные за внешней скромностью, и восхищает, и злит одновременно.

Подожёл Сергей, проследил за взглядом Артёма:

- Я плачу ей больше, чем остальным. Но она об этом не знает. Не думаю, что ей это надо. Ничто не могло укрыться от внимательного взгляда друга.

Сегодня Кира, под гнётом отчаяния, чувства вины и безнадёжности, загружала себя работой пуще прежнего, наказывая и ругая. За весь день даже намёка на лёгкую улыбку не появилось на её лице. Артём несколько раз порывался подойти и спросить, что случилось. Но всякий раз останавливался. Кира была так напряжена, что казалось, подойди он и спроси, она тут же разрыдается.

- Отпусти её на выходные. Она явно на пределе. - попросил Артём.

- Хорошо. Но, кажется, она находит спасение в работе. Пусть, если это её путь.

Ей очень хотелось убежать, запрятаться в знакомых развалинах и плакать. Но это место больше не было её убежищем. Поэтому после работы она уныло побрела домой. Артём вышел следом и молча пошёл рядом. Наконец не выдержал:

- Что случилось? На тебе весь день лица нет.

Кира покачала головой.

- Я потеряла одну очень ценную, и очень важную вещь, - прошептала она.

Потом подняла глаза:

- Я найду! Я должна! - это прозвучало как приказ и клятва одновременно.

Артёму захотелось обнять её и успокоить. Сказать, что всё будет хорошо. Но он не посмел.

Вера Алексеевна и Владимир Викторович ещё не приехали, и Вики тоже не было дома. «Хоть бы она тоже сегодня осталась у подружки» - пожелала Кира. Она не хотела, чтобы Вика видела её слёзы, которые катились и катились градом, пока руки привычно украшали очередной торт.

Вика пришла, но, к счастью, сразу же направилась в душ, а потом закрылась в своей комнате.

Позже Кира лежала неподвижно на кровати, уставившись невидящими глазами в потолок. Словно отвечая на её тоскливое настроение, зазвонил телефон. Ромка. Родной, надёжный, свой...

- Ты экстрасенс?

- Что у тебя случилось?

- Ничего. Просто скучаю за вами. Очень. - на последнем слове голос предательски задрожал. Рассказать про нож она не решилась. Завтра будет снова искать.

- Не плачь. Я здесь. Хочешь, приеду?

- Поздно уже. И далеко.

- Не важно. Сядем с Вадиком на байки и примчимся. И Катю возьмём.

- Не надо. Правда, поздно.

Рома ещё долго был с ней. Пусть не рядом, но он успокаивал её, говорил ободряющие слова. Добрый, добрый и родной Ромка. Как же хорошо, что ты есть... как хорошо, что позволил... Как хорошо, что все вы продолжаете держать меня за руку и не отпускаете, мои самые настоящие, самые любимые друзья. Вы и есть моя семья...

Вика подошла к дверям и прислушалась. Тишина. С тех пор, как Кира закрылась в своей комнате, ничего не было слышно. «Может, тихонько подойти к дверям её комнаты и послушать? Нет. Это будет уже слишком!» Но она была совершенно уверена, что видела, как Кира плакала. Впервые, за все время. Поэтому и не зашла на кухню. Чтобы не смущать. После вчерашнего, когда выгнала Киру из дома, её грызло чувство вины и злость на Киру за то, что та даже не попыталась дать сдачи, защищаться. Только молчит. «Вот ведь! Лицемерка! Строит из себя непробиваемую и невозмутимую, а сама рыдает втихаря! А о том, что кричит по ночам, кажется, сама даже и не догадывается! По фигу! Плевать! Мне на неё плевать! Я не буду ей сочувствовать! Не стану о ней волноваться! Она чужая для меня! Она мне - никто!» - Вика резко натянула наушники, врубила музыку на полную мощь, чтобы заглушить все мысли и рухнула на кровать уставившись в потолок невидящим, полным ярости и растерянности взглядом.

Утром, как и всегда, Кира готовила на кухне завтрак. Горка аппетитных сырников уже возвышалась на столе, когда зазвонил телефон.

- Проснулась? – весело спросила Катя.

- Ага... привет вообще то...

- Посмотри во двор! - не обращая внимания на её слова приказала подруга. Кира выскочила на балкон. Внизу у подъезда на двух байках сидели Вадим и Ромка, а между ними, задрав голову вверх стояла Катя. Увидев Киру, радостно замахала руками.

Всю первую половину дня они провели вместе. А потом Кира пошла на работу. Нож будет искать завтра.

Она приходила каждый день и искала. Вновь и вновь. Лето закончилось. Завтра в школу. Нож она так и не нашла.

12 ГЛАВА

ШКОЛА

Девочки всю дорогу до школы шли молча. Но чем ближе они подходили, тем больше Вика замедляла шаг. Наконец, когда до школы было уже рукой подать, она остановилась и повернулась к Кире:

- Я не потерплю, чтобы наша...проблема стала темой для сплетен в классе, чтобы чужие перемывали кости моей семье. Давай сделаем вид, что мы незнакомы. Фамилии у нас, к счастью, разные.

Вика говорила, как обычно, прямо, грубо и категорично, не оставляя места для возражений.

Но прямо сейчас она защищала свою семью, частью которой её, Киру, не считала. Кира кивнула, соглашаясь:

- Иди первая.

Вика стремительно, не оборачиваясь удалилась и вскоре растворилась в толпе школьников.

Кира осталась стоять. Потом медленно подошла к воротам. В школьном дворе царила атмосфера праздничной суеты. Кира чувствовала себя лишней на чужом празднике. Она прошла мимо и побрела вдоль забора. Девочка обогнула школу, прошла мимо стадиона, и дальше, по проросшей травой тропинке, к небольшому пустырю, за которым начиналась стена леса. Здесь притаилась одна единственная скамейка, надёжно укрытая среди зарослей кустов. Кира опустилась на неё и закрыла глаза, отгораживаясь от внешнего мира. И он стал отдаляться. Гул города становился всё дальше и растворялся в гудящей пустоте. И, словно прорвалась плотина, хлынули нескончаемым потоком слезы, смывая остатки самообладания. «Проблема, обуза, нежеланная.» Эти слова, с детства клеймом выжженные в её сердце, снова запульсировали острой болью.

Её вечное проклятье, незаживающая, гноящаяся рана, на которую с неосознанной жестокостью сыпала соль бабушка своими бесконечными упрёками в адрес непутёвой дочери, за то, что та посмела «принести в подоле» ей позор и проблему... Кира изо всех сил старалась быть прилежной и полезной, словно хотела оправдать сам факт своего рождения, заслужить право на существование.

Но все её отчаянные усилия разбились вдребезги и обернулись прахом. Потому что в итоге мама, её собственная мама, обвинила её в том же. «Это ты виновата во всем! Все из-за тебя! Ты испортила мне жизнь! Почему мне не сделали аборт?! Убирайся! Видеть тебя не хочу!» - снова звучал в ушах её пронзительный голос. И снова всплывало в памяти искажённое гримасой боли лицо мамы с глазами пылающими дикой ненавистью...к ней, Кире.

Она тогда ушла и осталась ночевать у Кати. А утром... утром всё закончилось. И уже ничего не вернуть, не исправить. Знакомая, назойливо ноющая боль снова вползала в неё ядовитой змеей, обвиваясь вокруг сердца, сдавливая и жаля. Кира чувствовала себя именно такой, какой больше всего на свете не хотела быть - никчёмной и жалкой. Проблема, обуза, нежеланная - снова. Теперь уже для этих, хороших в общем то людей, из жалости приютивших её. Причина того, что Вика чувствует себя некомфортно в своём собственном доме, а теперь ещё и в родной школе. Унизительно. Невыносимо.

Кирилл стоял, впиваясь взглядом в одинокую фигурку девочки. Это была она - та самая, что с безрассудной отвагой бросилась в пекло их разборки с Прилучным.

Сейчас он мог, наконец, хорошо разглядеть её.

Когда-то у Вали была коллекция фарфоровых фигурок, и среди них маленькая балерина, которая казалась тогда Кириллу совершенным эталоном женской красоты.

Эта девочка была похожа на ту статуэтку - хрупкая, с изящным изгибом лебединой шеи, чуть склонённой набок головкой, собранными в высокий строгий узел волосами.

Милое, нежное личико неподвижно, плотно сомкнутые губы скорбно поджаты, глаза закрыты, а по щекам струятся ручейками слезы. Маленькие, детские ладошки сжались в крошечные кулачки у самой груди, словно она пыталась удержать в них всю невыносимую тяжесть своей боли. Он никогда прежде не видел, чтобы так плакали - без единого всхлипа, без стоны, без искажающей лицо гримасы.

Но её страдание - глубокое, мучительное, пронзительное -- он ощущал почти физически. Кирилл долго стоял, словно прикованный, не в силах оторвать от неё взгляда.

А она все сидела неподвижно, и серебряные дорожки слез продолжали безмолвно орошать её щеки. Наконец, её по-детски пухлые губы дрогнули, и она открыла глаза. Кирилл,

застигнутый врасплох, едва успел спрятаться в тени ближайшего дерева. Девочка не спешила вставать. С поразительным спокойствием она достала из сумки крошечное зеркальце, влажные салфетки и скромную косметичку. Не спеша, тщательно она приводила своё лицо в порядок, устраняя следы слез. И лишь убедившись, что выглядит безупречно, поднялась и направилась к школе.

Она прошла совсем рядом, всего в нескольких шагах от него. Но, погружённая в свои мысли, не заметила его. Кирилл провожал её взглядом, пока тонкая фигурка не исчезла за поворотом здания. Затем опустился на ещё хранящую её тепло скамейку. Урок был безнадежно забыт. Теперь его занимал лишь один вопрос: как узнать, в каком классе учится эта девочка.

Гулкие школьные коридоры, залитые утренним солнечным светом, были пусты. Звонки давно прозвенели, разметав учеников по классам. Но Кира, ведомая инстинктом, без особого труда нашла нужный кабинет.

- Здравствуйте. Можно войти?

- А вот и наша новенькая! Опоздываете! - энергично, с лёгкой укоризной, произнёс учитель, оборачиваясь. Приветливая улыбка на его лице мгновенно, сменилась изумлением, когда он увидел Киру. Она была поражена не меньше. Перед ней, с указкой в руке, стоял Артем. Он, кажется, первым взял себя в руки, натянув на лицо профессиональную невозмутимость:

- Проходите и представьтесь.

- Кира. Россинская, – пролепетала она, все ещё не в силах оторвать от него растерянного, вопрошающего взгляда.

- Ребята, Кира будет учиться вместе с вами. Прошу любить и жаловать. - Он обвёл взглядом класс в поисках свободного места, ища, куда бы посадить этот внезапный сюрприз.

- Ко мне! – Рыжий парнишка, сидевший за предпоследней партой у окна, с готовностью вскинул руку, его глаза озорно блеснули - Обещаю любииииить!

- Потапкин, не ёрничай! - Артем поморщился, но в его голосе слышалась скрытая усмешка.

Потапкин скорчил невинную рожицу:

- Сами же сказали...

В классе послышались смешки. - Витек у нас послушный! - девушка, сидевшая позади, легонько треснула его по голове книжкой, словно ставя на место слишком расшалившегося щенка.

- Садись, - Артем повернулся к Кире, его взгляд стал мягче.

- Он у нас хоть и юморист без чувства юмора, но парень безобидный. Кира кивнула. Пока шла, остро чувствовала на себе взгляды множества глаз.

«Хорошо, хоть парта почти последняя. Меньше будут тарашиться», — с облегчением подумала она, но тут же поняла свою наивность. Потому что её новых одноклассников это ничуть не смущало. Они откровенно, с надменным, оценивающим любопытством разглядывали её, заставляя внутренне съёжиться в комочек. Одна только Вика, сидевшая за второй партой от двери, делала вид, что происходящее её не волнует и смотрела вперёд. Кира изо всех сил старалась сосредоточиться на уроке. Артем тоже. Но у обоих это получалось плохо. Мысли Киры кружились, словно осенние листья. У Артема в голове крутилась, как заезженная пластинка, одна навязчивая мысль о том, что Кира, которую он почему-то считал студенткой, Кира, которая усердно работала в его ресторане все вечера напролёт, и, наконец, Кира, которая вот уже некоторое время никак не выходила у него из головы, оказалась его ученицей. Ему показалось, что воздух в классе внезапно стал тяжёлым и душным. Хотя староста перед уроком предусмотрительно распахнула все окна. Он с трудом дождался окончания урока. Сразу ушёл. У них ещё будет время поговорить.

Но она сама догнала его:

-Артем!

Он остановился. Повернулся.

Кира стояла перед ним, прерывисто дыша от быстрого бега. Она выглядела смущённой, виноватой, но взгляда не отводила.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

- Я, мягко говоря, удивлён. - наконец произнёс он. - Мы думали, что ты студентка.

Кира виновато опустила голову:

- Я ведь этого не говорила - пролепетала чуть слышно.

- Точно. Не говорила. Ты просто позволила нам так думать. Кира, ты несовершеннолетняя. Работать допоздна там, где торгуют спиртным - как педагог я не могу этого одобрить.

- Пожалуйста. Мне очень нужна эта работа. Правда.

Она непроизвольно схватилась за его рукав, говорила тихо, умоляюще, почти отчаянно.

- Если я не смогу работать там, то мне придётся искать другое место.

- Мы поговорим об этом позже - произнёс он, пытаясь отстраниться. Но, поскольку она продолжала стоять, вцепившись в него, Артем осторожно взял её руку, мягко отвёл в сторону. Хотел уйти. Должен был уйти.

Но что-то удерживало его рядом с ней. Может быть, он просто не мог оставить её вот такой: растерянной и расстроенной.

Повинуясь скорее инстинкту, чем здравому смыслу, он протянул руку, осторожно заправил за ухо выбившийся из строгой причёски непокорный локон, и сказал уже более мягко:

- Не волнуйся ты. Все будет хорошо. Обещаю. Позже мы с тобой поговорим.

Кира, слабо улыбнувшись, кивнула. Артем ободряюще улынулся в ответ:

- Забавно. Я, между прочим, твой классный руководитель.

- Артем...? - Кира с улыбкой ждала.

- Семёнович.

-Семенович - согласилась она.

Новый статус отношений был установлен.

Кирилл не спеша шёл по школьному коридору, когда увидел выходящего из кабинета классного. А вскоре появилась она, та самая девочка, и устремила взгляд за ним. -Артем!

Учитель замер. Кирилл тоже. Артём? Сердце Кирилла сделало неловкий кульбит. Он отошёл, чтобы оставаться незамеченным и продолжал наблюдать за ними. Усмехнулся про себя: «сегодня уже второй раз подглядываю за ней. Зачем?»

Внутренний голос приказал - «уходи». Но он, как вкопанный, продолжал стоять и смотреть. Как смело, почти требовательно, схватила их классного за руку. Как о чём-то просила, умоляюще заглядывая в глаза. Как тот убрал её руку, а потом нежно поправлял волосы. Как, в конце концов, мило, чуть ли не интимно, улыбались друг другу.

«Чёрт! Черт побери, что там происходит? А мне то какое дело! Почему это меня вообще должно волновать?» - Резко развернулся на пятках и быстро, почти бегом, пошёл к выходу. Прочь из школы.

Когда Кира зашла в класс, там бурно обсуждали новую учительницу. - Ребята, она реально секси! У физрука, в натуре, слюни текли, когда он на неё смотрел! - распинался парень с бритыми висками и ёжиком на макушке.

- Ты бы свои слюни подобрал, Короб! - резко заметила девчонка, стоявшая рядом.

-Да я отвечаю! Ей в кино сниматься надо, а не в школе пылиться с такой-то внешностью, скажи, Валек - не унимался парень.

- Точно! В порнушке была бы бомбой - подтвердил коренастый Валек и класс дружно взорвался хохотом.

Кира тихо прошла за свою парту и стала готовиться к уроку, радуясь, что оказалась не единственной новенькой, к тому же менее яркой и привлекательной. Может повезёт, и на неё не будут обращать внимание.

- Эй, новенькая! Откуда ты к нам залетела? - разбил её хрупкую надежду ломкий баритон, принадлежащий долговязому прыщавому парню.

- Да, почему перевелась в выпускном? Семья решила пустить корни в Москве? - присоединился к нему парень с тщательно уложенными гелем в причудливую причёску, напоминающими ананас, светлыми волосами и дружелюбной улыбкой на широком скуластом лице.

Кира сдержанно кивнула.

- Кстати, меня Никитой зовут. А это Марк. - указал он на приятеля.

- Мы сегодня после уроков на район идём, в парк. Ты с нами?

От необходимости отвечать спас Потапкин:

- Никита, отвали от неё, а то от Светки отгребёшь.

- Вообще то я доверяю своему парню! - Подлетела к ним девушка с короткими курчавыми и, вопреки своему имени, тёмными волосами. Прижалась всем телом к парню, преданно посмотрела на него широко распахнутыми глазами и лишь потом перевела выразительный взгляд на Киру. Та уловила её послание: - «не смей приближаться. Это моя территория»

- А у меня девушки нет! - сияя, радостно сообщил Марк.

- Отвяжись! - легонько оттолкнул приятеля Потапкин и повернувшись к Кире снисходительно бросил:

- Не обращай на него внимание.

Вика с тремя подругами появилась в классе вместе со звонком, невозмутимая и отстранённая.

День тянулся мучительно долго для Киры. Бесконечный поток любопытных расспросов, вынуждавший изворачиваться и уклоняться от ответов, слишком назойливая опека Потапкина, и ледяное безразличие Вики - все это ужасно утомляло. После уроков она поспешила незаметно улизнуть.

13 ГЛАВА

ПОДНОГОТНАЯ

Артем бесшумно толкнул тяжёлую дверь директорского кабинета. В кабинете пахло дорогим парфюмом и чем-то неуловимо знакомым - так пахли его студенческие годы.

- Извините, я зайду позже - произнёс он, собираясь отступить, когда его взгляд зацепился за фигуру сидевшего напротив директора посетителя.

- Нет, нет, Артём Семёнович, проходите. Мы как раз закончили.

Валентина Андреевна поднялась из-за массивного стола, заваленного бумагами, привычным жестом поправляя очки.

Девушка, сидевшая в кресле, тоже встала и повернулась. Медленно, словно давая ему время подготовиться. Артем почувствовал, как воздух в лёгких стал густым и неподвижным.

Сегодняшний день, определённо, решил испытать его на прочность: сначала Кира, теперь — Оксана.

Она почти не изменилась. Всё так же великолепна: не фигура, а стан; брови вразлёт, а под ними насмешливо сияют чёрные глаза. Только волосы, раньше мятежно разбросанные по плечам, теперь были собраны в строгий пучок на затылке. - Знакомьтесь, - голос директора звучал буднично - Наш новый педагог по английскому - Оксана Николаевна.

- Привет! Сколько лет, сколько зим, - произнесла она с едва уловимой иронией, будто совсем не удивилась встрече. И, повернувшись к директору, пояснила с ровной улыбкой: - Мы старые друзья, вместе учились в университете.

-Здравствуй. Давно не виделись. - Артем постарался, чтобы его голос звучал так же бесстрастно.

- Что ж, ещё увидимся! - небрежно бросила Оксана и царственной походкой покинула кабинет.

Самообладания ей всегда было не занимать!

Она ушла, оставив после себя шлейф тонкого аромата и странное, сосущее чувство в груди, которое он заставил себя проигнорировать.

Артем повернулся к директорисе: - Валентина Андреевна, я хотел бы узнать больше информации о новой ученице, Россинской.

- Как вовремя вы зашли, Артем Семенович. Я и сама собиралась вас пригласить. Она приоткрыла дверь в приёмную:

- Аллочка, принесите нам чаю, пожалуйста. Затем направилась к уютному глубокому дивану в углу - зоне «дипломатических переговоров», где предпочитала вести беседы, выходящие за рамки официальных протоколов. Жестом она пригласила Артёма сесть рядом, и он понял, что разговор предстоит непростой.

Сейчас она выглядела добродушной и по домашнему уютной, мягкий голос выдавал усталость. Но Артем знал, что эта простота обманчива - за ней скрывался блестящий ум и недюжинная воля.

Она преподавала историю в пятых классах, как раз, когда дети переходили из начальной школы в среднюю. За год успевала досконально изучить подноготную каждого ученика. И потом, до самого выпуска, все они были у неё как на ладони.

Аллочка принесла поднос. Она двигалась бесшумно и быстро, словно юркая белка. Кокетливо стрельнула лисьими глазками в сторону Артема, но, не встретив взаимности, вышла, нарочито соблазнительно покачивая бёдрами.

- Я хотела с Вами поговорить как раз на эту тему, поскольку вы были в отпуске, когда девочку перевели в нашу школу. - проговорила Валентина Андреевна, опуская пакетик в чашку и помешивая, чтобы вода быстрее приобрела нужный цвет. Дождалась, когда Артем повторит её манипуляции, выкинула использованные пакетики и лишь после этого продолжила: - На самом деле у неё очень сложная жизненная ситуация... Трагическая.

Вы, как классный руководитель, я думаю, должны знать... этим летом девочка потеряла маму.

Артём замер, так и не донеся чашку до губ.

- Кира только недавно узнала отца, - продолжала директриса, понизив голос.

-Он оформил опеку, и теперь она живёт в его семье. Её отец - Владимир Викторович Колесниченко

- Отец Вики? - Артём нахмурился, в голове начали выстраиваться связи.

- Именно. Вы понимаете, какой это удар для обеих? Одна потеряла всё и попала в чужой дом, другая - внезапно узнала о существовании сестры - ровесницы. Такие обстоятельства кого угодно могут подкосить и выбить почву из-под ног. А они всего лишь подростки.

Валентина Андреевна посмотрела ему прямо в глаза - сейчас в ней не было ничего «домашнего»

- Я считаю, Кире мог бы помочь психолог. Мы, конечно, не можем настаивать, но мягко порекомендовать обязаны. Артём Семёнович, я очень рассчитываю на ваш такт.

Артём кивнул, глядя на плавающую в чашке чайнику. Образ закрытой, сдержанной Киры теперь обрёл горький, отчётливый смысл. Теперь ему многое стало понятно. И было над чем задуматься.

ПРИЦЕЛ

Кирилл застыл у бильярдного стола, сосредоточенно оценивая положение шаров, чтобы применить удар выход - в результате которого биток, направив один шар в лузу, должен оказаться в позиции сыгрывания другого шара. Он пытался довести этот приём до сыгрывания нескольких шаров последовательно. Такие тренировки обычно успокаивали и помогали ему привести мысли в порядок.

Но не сейчас. Его томило нечто неопределённое, смутное, чему ещё не было названия, но уже странно тревожило. Он то и дело бросал нетерпеливые взгляды на дверь.

Андрей, не любивший суеты, тоже пропустил первый день занятий в школе. Он стоял рядом и наблюдал за другом, подмечая его нервозность. Но предпочитал молчать, а не лезть с расспросами.

Дверь распахнулась, и на пороге появился сияющий Игорь. Наконец-то!

- Парни, Я тут, кажется, самый примерный ученик из всех! - провозгласил он радостно.

-Ещё бы! Ты -же директорский сынок! Тебе по статусу положено! - беззлобно подколол друга Кирилл, пожимая протянутую руку.

-Сыграем? Американский пул на троих. - предложил Игорь.

Он посмотрел на Кирилла: - Выиграть у тебя не смогу, зато опыта наберусь! - в его голосе звучало искреннее уважение. - Не приbedняйся! Зато в гейминге тебе равных нет! - поморщился Кирилл. - Если вы уже закончили обмен любезностями - Андрей театрально закатил глаза, -то можем начинать.

Они уже сыграли одну партию, и начали вторую, а Игорь все ещё ни словом не обмолвился про новенькую.

Кирилл не хотел спрашивать первым, но в итоге не выдержал и, как бы вскользь, между делом, ударяя кием по шару, небрежно задал вопрос: - Что нового в школе?

- Да все как обычно - ответил Игорь – Препяды с первого дня стали пугать ЕГЭ. Кристина спрашивала, почему тебя не было. Похорошела - просто отпад! Кирилл лениво катал шары, раздражённо размышляя, как бы незаметно направить разговор в интересующее его русло.

- У нас в классе новенькая. - наконец вспомнил Игорь.

- Симпатичная? - как можно небрежнее спросил Кирилл.

- Ничего так, миленькая... но не в твоём вкусе! Да ты её видел - в ту ночь, в лесу.

- Девочка, которая выручила Прилучного? - спросил Андрей. Об инциденте в лесу он уже знал.

- Точно! Я прямо обалдел, когда она в класс заявила.

- Узнала тебя? - поинтересовался Кирилл.

- Нет. Или, может, с перепугу просто не заметила.

- Не такая уж она пугливая, судя по тому, что сделала в лесу - заметил Андрей. -

- По мне, так это глупость и провинциальный максимализм - лезть в чужие дела и нарываться на неприятности. - небрежно отмахнулся Игорь. Кирилл молчал. В горле что-то защемило, пальцы невольно сжались. Про встречу с ней в тот вечер у подъезда он, по непонятной для самого себя причине, ничего не рассказал друзьям. И про сегодняшнюю тоже.

Вика, Кристина, Рита и Виолетта отделились от одноклассников и устроились за столиком под сенью раскидистых деревьев на уютной террасе летней кафешки.

Это была их компания, в центре которой неизменно сияла белокурая красавица Кристина.

Строго говоря, Виолетта - черноволосая смуглянка с цыганскими блестящими глазами, вполне могла бы составить ей конкуренцию. Но была слишком тихой и застенчивой по сравнению с самоуверенной Кристиной. Поэтому оставалась в тени яркой подруги.

Рита - с аппетитными формами и кукольным личиком, обрамлённым озорным каскадом шоколадных кудряшек, напоминала живую игрушку, не лишённую лукавой хитринки.

Вика среди подруг выделялась сдержанной, утончённой элегантностью. Вкус и чувство стиля у неё врождённые, от мамы.

В целом же, их четвёрка считалась самой гламурной и стильной в классе и причислялась к элите.

Девочки ели мороженное и весело болтали, делясь летними впечатлениями, которых накопилось множество за долгие каникулы.

Тема новенькой прозвучала лишь мимоходом, растворившись в общем водовороте сплетен и смеха. Они быстро сошлись на том, что в ней нет ничего особенного, и Вика почувствовала облегчение, когда разговор свернул на другую тему. - А почему Игорь не пошёл с нами в парк? - повернулась Виолетта к Кристине. Все в классе знали, по ком она сохнет. Кроме, кажется, Игоря. Он в упор не замечал её нежных чувств.

Кристина в ответ неопределённо пожала плечами.

- Строгов и Климов вообще не явились! Так что однозначно вместе сейчас где-нибудь тусуются – ответила за подругу Рита.

«Вот и началось!... Фанклуб приступил к работе!» - с иронией подумала Вика. - «Раз уж разговор коснулся этой троицы, то это надолго.»

Сама она членом этого «клуба» никогда не была. Ну, с Климовым вообще все ясно. Самолюблённый и высокомерный павлин. Тут можно только посочувствовать Кристине. Что она и делала. Правда молча, в глубине души. Строгов Андрей, несмотря на то, что они столько лет учились в одном классе, оставался для неё тёмной лошадкой. Всегда отстранённый и молчаливый. Но от одного его томного взгляда у всех особей женского пола (включая учителей) начинали плавиться мозги и... ниже. А уж если улыбнется... В общем, равнодушных не оставалось. Вика не могла отрицать его невероятного и необъяснимого обаяния. Оно просто существовало и магнитило всех вокруг. А ещё он обладал каким-то совершенно непостижимым влиянием на людей. Стоило ему что то сказать, как все безоговорочно подчинялись, словно под гипнозом.

На фоне этой парочки - как глоток свежего воздуха - выделялся Игорь Дворжецкий: симпатичный, умный, но без всякого налёта мистики и надменности. Простой, понятный, настоящий.

- Игорь рассказал, что отец Кириллу на день рождения целый бильярдный клуб подарил! - гордо выпалила Кристина, Её лицо сияло так, будто это она сама отхватила ценный трофей.

- Он летом даже от отдыха отказался, - добавила девушка, постукивая пальчиками с безупречным маникюром по столу. - С головой ушёл в дела. Вникал во все, изучал и все такое... Круто, правда же?

- Говоришь так, словно это тебе клуб подарили. – не удержалась от сарказма Вика.

- Это-же клуб её парня! Конечно, она может похвастаться! - горячо поддержала подругу Рита.

-Твоего парня? Я что-то пропустила? Вы уже вместе? – повернулась к Кристине удивлённая Виолетта.

Кристина на мгновение стушевалась, но, тут же выпрямилась и самоуверенно заявила:

-Это вопрос времени. До конца этого года он точно будет моим. У меня есть беспроигрышный план.

-Какой план? - выдохнули подруги в унисон, склоняясь к Кристине, источнику тайны.

-Секрет! - Кристина лукаво подмигнула, наслаждаясь моментом.

-Кристина, так нечестно! Мы же подруги. Вика уже все рассказала про своего Макса. - возмутилась Рита. -

-Ладно уговорили, расскажу. Только клянись, что никому...

- Клянёмся! – тут же хором воскликнули Виолетта и Рита.

– Детский сад! - фыркнула Вика.

Но девочки дружно зацыкали на неё и с любопытством уставились на Кристину

-Рассказывай!

Она глубоко вдохнула, и выдала ровно, без дрожи сомнения, как приговор:

- Я забеременею, и тогда он никуда не денется. Я все узнала. Мать его бросила. Игорь сказал, что Кирилл никогда не оставит своего ребёнка.

Вика поперхнулась кофе, который пила. – Ты серьёзно? Готова в семнадцать лет забеременеть и родить лишь бы привязать к себе парня?

–Да, готова! – с вызовом посмотрела на нее Кристина. - Я люблю его! И я выйду за него замуж! Этот год – мой последний шанс. Если ничего не сделаю, - потеряю его навсегда! Этого не будет! - Голос Кристины звенел, как натянутая струна.

Глаза Виолетты округлились: - Наверное, ты и правда очень сильно любишь его – тихо сказала она

- Но ребенок... Это слишком... По-моему, перебор...- неуверенно пробормотала Рита.

Лицо Кристины выражало отчаянную решимость:

- Рановато, - кивнула она, - но у меня все продумано. Вы представляете, сколько денег у его отца? Моя мама тоже не бедствует! Нянек наймём. Сейчас и кормить самой не надо - смесей всяких полно! Так что ребёнок не будет для меня помехой. Я даже учиться в институте смогу, если захочу.

Вика откинулась на спинку стула и произнесла колко:

- А ты не слишком самоуверенна? Чтобы забеременеть, надо сначала... переспать. Возможно, не один раз. А вы даже не встречаетесь.

Но Кристина отмахнулась от её сомнений, как от назойливых мух: - Знаю. Он упрямый! Но я тоже. У меня получится, вот увидите!

Она достала телефон, пальцы слегка дрожали, когда набирала номер. Долгие секунды напряжённого ожидания...и трубку подняли. Но вместо Климова ответил Игорь. После минутного разговора, Кристина повернулась к подругам:

- Мальчики в Фортуне. Присоединимся? Игорь сказал, что они не против!

- Девочки сейчас приедут – сказал Игорь, возвращая Кириллу телефон, который тот всучил ему, увидев входящий вызов от Кристины. - Зачем ты её так? - спросил Игорь. - Она же, чёрт возьми, реально классная.

-Не хочу себя связывать. Столько разных - зачем выбирать одну? - хмыкнул Кирилл.

- А ты и правда циник! - Игорь покачал головой, но в его словах сквозила доля даже некоего восхищения.

- А ты и правда хорошо разбираешься в людях.

Андрей с улыбкой наблюдал за добродушной перепалкой друзей.

Кирилл позвал официанта и попросил принести ещё напитки.

Вскоре появились девочки - яркие, звонкие, благоухающие. Порхали бабочками вокруг стола, старательно изображая группу поддержки и восторженно реагируя на каждый шар, попавший в лузу.

Кроме Вики. Она со стаканом апельсинового сока устроилась в кресле напротив Андрея. Тот сидел, надев наушники и прикрыв глаза – то ли дремал, то ли слушал музыку. А Вика отстранилась от компании, уткнувшись в телефон.

Игорь, как всегда, добродушно шутил с девочками. Кирилл даже не пытался быть вежливым - просто их игнорировал. Партию он выиграл и Кристина решительно устремилась к нему: -Победителю полагается приз! - провозгласила девушка и попыталась запечатлеть поце-

луй. Но Кирилл, ловко увернулся оставив её губы парить в воздухе. - Обойдусь! – отрезал он, отходя к окну. Его пальцы заплясали по экрану телефона, отправляя кому-то сообщение.

Игорь, пытаясь разрядить повисшее в воздухе напряжение, предложил девочкам сыграть. Те радостно согласились, с условием, что мальчики будут им помогать. Рита подбежала к Андрею и, дёргая за рукав, заставила открыть глаза. А потом, скорчив забавную рожицу, уставилась на него глазами Шрека. Андрей рассмеялся. Ему пришлось покинуть своё убежище в кресле и пристроиться за девушкой у бильярдного стола.

Глаза Виолетты радостно вспыхнули, а щёки залил румянец, когда Игорь встал за ней.

Кристина подошла к Кириллу.

- Я села за ту парту, за которой в прошлом году сидел ты. - сказала она тихо.

- Хорошо. Сиди. Я найду другое место. - отозвался он сухо. - Ты можешь сесть рядом со мной. - в её голосе прозвучала робкая надежда. – Нет

- Почему - губы её подрагивали. - Почему? - Не хочу.

- Ты не веришь в мои чувства?

Он повернулся к ней, наклонился. В его лице не было мягкости. - Кристина, я - плохой парень который привык встречаться с пятью девушками одновременно. Ты хочешь быть одной из пяти?

- Я хочу быть единственной для тебя - прошептала она.

- Я не заинтересован. - сказал он и отодвинулся.

Она схватила его за рукав так, что ткань скомкалась в кулаке. - Почему ты такой жестокий? - голос сорвался.

- Еще одна причина держаться от меня подальше. - ответил он, убирая её руки с холодной решимостью.

- Я не сдамся. - прошептала она, впиваясь в его профиль.

Он встряхнул плечами:

- Мне все равно.

Рингтон его телефона известил о новом сообщении. Прочитав, Кирилл поднял голову: - Вы тут развлекайтесь. А мне надо уйти. - и вышел.

Вечерний ресторан привычно гудел приглушёнными голосами и позвякиванием посуды. Артем, прислонившись к барной стойке, задумчиво наблюдал за Кирой, как всегда расторопно и деловито снующей между столами.

Подошёл Сергей, массивный и спокойный, встал рядом. - Что мне делать? Уволить её? Жаль... Она ведь лучшая. Понимаешь, лучшая из всех здесь.

- Она школьница, ребёнок... маленькая девочка, которая пытается быть взрослой... Сергей, уловив надрыв в голосе друга, положил руку ему на плечо.

- Девушка. - поправил он - и очень разумная. Не спеши рубить с плеча.

Его голос был тихим, но твёрдым.

- Ты не думал, что ей и правда отчаянно нужна эта работа?

Артём глубоко вздохнул, машинально проведя ладонью по барной стойке. - Приглядывай за ней, оберегай от неприятностей. И держи меня в курсе всего.

На лице Сергея мелькнула понимающая усмешка:

- Эй, дружище, похоже, ты влип.

Артём лишь криво усмехнулся, не пытаясь отрицать очевидное.

- Похоже.... но она моя ученица.

- Через год она ею уже не будет. - просто сказал Сергей.

- Оксана устроилась работать к нам в школу.

Сергей поднял брови:

- Да ладно! Ну и как? Поговорили? -Нет - коротко ответил Артём.

Кира работала, но каждое её движение было пропитано тревогой: руки чуть дрожали, полотенце в ладони сжималось крепче обычного. Она то и дело бросала обеспокоенные взгляды туда, где стояли Артём и Сергей. Когда Артём ушёл, лишь кивнув ей издалека, в груди что-то сжалось. До самого конца смены Кира боялась приблизиться к Сергею, услышать короткое: «мы вынуждены...» - и потерять работу. Но он сам подошёл к ней, когда опустел зал. Его голос звучал неожиданно мягко. – Ну что, школьница, марш домой. Никаких переработок! Завтра с утра в школу. Потом - на работу. Напряжение спало, и она выдохнула, Лицо озарилось радостной улыбкой. – Спасибо! - сказала она тихо.

15 ГЛАВА

ОДНОКЛАССНИКИ

Вика договорилась с подругами встретиться до начала занятий, поэтому из дома вышли раньше. Кире пришлось пойти вместе с ней, чтобы не огорчать Веру Алексеевну. Женщина все ещё тешила себя надеждой, что девочки подружатся. Зная, что она наблюдает за ними из окна, шли рядом. Но как только вышли из зоны её видимости, не сговариваясь, разошлись в разные стороны. Вика пошла быстрее. Кира же, наоборот, еле плелась.

- Привет, Кира Россинская! - Услышала она рядом звонкий голос. Поравнявшись с ней высокая, русоволосая девушка с коротким каре и мягкими карими глазами была её одноклассницей. Только вот имени Кира не помнила. Как, впрочем, и большинства ребят. - Меня зовут Анжела. Дворжецкая. Мы с тобой в одном классе. - напонила девушка с доброжелательной улыбкой - Да, я знаю. Привет! - вежливо улыбнулась в ответ.

- Ну, и как тебе у нас? - вопрос прозвучал искренне.

- Я ещё толком не освоилась - честно призналась Кира.

- Да, я заметила, что вчера тебя смущало всеобщее внимание. Анжела кивнула с пониманием.

- Не парься, ребята у нас нормальные. До начала уроков ещё куча времени. Рядом со школой есть кафетерий. Они открываются рано. Давай зайдем. Посидим, познакомимся поближе. Кира благодарно согласилась. Коротать время перед занятиями с этой приветливой девушкой было куда лучше, чем одиноко торчать перед пустым классом.

В маленьком, пропахшем кофе и свежей выпечкой, уютном кафе в этот ранний час посетителей не было. Они взяли по чашечке кофе. Анжела, к облегчению Киры, не лезла с расспросами, а больше говорила сама. Она рассказала, что её мама - директор школы. Что в их классе учится её старший брат. Ну, как старший, всего-то на семь минут раньше родился. Зато зазнаётся так, словно между ними разница лет в пять! В ярких красках описала, как этим летом в Турции впервые пробовала заняться серфингом... Призналась по секрету, что пишет роман... и вообще собирается поступать в литературный....

Внезапно её оживленный рассказ оборвался на полуслове. Кира, проследив за взглядом Анжелы, увидела входящих в кафе троих парней. Сердце ёкнуло, отдаваясь неприятным холодком. Двоих из них она сразу узнала. Тех самых... из леса. – Лёгко на помине, – весело прошептала Анжела, наклонившись к Кире, словно делясь забавным секретом. – Братец со своими друзьями пожаловал.

Парни, словно не замечая их, уселись за столиком в другом углу. - Который из них твой брат?

- Тот, что спиной к нам уселся. Это он так меня игнорирует, чтобы я к нему не приставала. Я люблю иногда его подразнить, – Анжела добродушно хихикнула. – Пойдем, я вас познакомлю. - Нет! - слишком резко выпалила Кира. А потом уже мягче добавила: - Успеется ещё.

Она видела лишь русский затылок парня. Это был тот, который держал горелку и готов был живьём зажарить человека. Да уж, не повезло девочке с братцем!

- А другие?

- Тоже наши одноклассники. Тот блондин - Андрей Строгов, - Анжела понизила голос до заговощического шёпота - его все зовут Принцем. Парень и правда выглядел так, будто сошёл со страниц старинных сказок. Вообще-то в кафе было самообслуживание. Но работающая здесь девушка сама принесла им кофе. Глаза её, беззастенчиво устремлённые на «Принца», горели обожанием. Он посмотрел на неё и улыбнулся так ослепительно, что весь Голливуд дружно мог отпрапляться отдыхать и умирать от зависти. Девушка вся засветилась в ответ.

- Вот так он действует на всех девчонок! – с тоской в голосе сказала Анжела. - Но сам ни к кому не проявляет интереса. Так что лучше даже и не мечтать.

- Я и не планирую – успокоила девушку Кира. Этого парня в тот день в лесу не было.

- А он кто? - спросила Кира осторожно, чуть заметным движением глаз указывая на высокого черноволосого качка. Того, который догнал её у подъезда. Он сидел вполборота, равнодушно уставившись в окно, и не обращал на них никакого внимания. «Может, не узнал?» - промелькнула робкая надежда.

-Климов Кирилл. - в её голосе осуждение смешалось с восхищением. - Он жутко заносчивый, циничный и надменный. Пришёл к нам в класс в прошлом году. Весь из себя самоуверенный и дерзкий. У многих наших девочек тогда прямо крышу снесло. Но он к женщинам относится как к людям второго сорта. Брат говорит, что его в отношениях с девушками интересует только... секс. И он предпочитает девушек постарше и поопытнее. И вообще не спит с одной и той же дважды. Короче, держись от него подальше. И не говори потом, что я тебя не предупреждала!

Кирилл увидел её прежде, чем они вошли в кафе. Сидела с сестрёнкой Игоря и слушала её болтовню.

- Твоя тёзка тоже здесь. Кажись, моя систер над ней взяла шефство. - Сказал Игорь, усаживаясь спиной к сестре и новенькой девчонке. - Тёзка?

- А я не говорил? Её Кира зовут. - Так это и есть наша новенькая? – Андрей медленно, почти лениво поднял взгляд, скользнул им по Кире, едва задержавшись, и остановился на работнице кафе, одарив её той самой, убийственной улыбкой, словно именно ей адресовал все своё внимание.

- Ага, собственной персоной.

Пока влюблённая в Андрея девица расставляла кофе, стреляя глазками в своего кумира, Кирилл, делая вид, что смотрит в окно, исподтишка, боковым зрением наблюдал за Кирой. Видел, как она посмотрела в его сторону, а потом о чем-то спросила Анжелу. Узнала его. Чуть не рассмеялся вслух, представив, какую галиматью ей вывалит сейчас Анжела. - Спорим, Анжела сейчас про нас сплетничает! – насмешливо бросил он, и в его голосе прозвучало чистое веселье..

-Да стопудово! – без раздумий согласился Игорь. – Та еще болтушка! Девочки допили свой кофе и поднялись.

- Не опаздывай! – крикнула Анжела брату, направляясь к выходу. - Ага. Иди уже. Не доставай. - отмахнулся Игорь.

В классе девочки разошлись по своим местам. У Анжелы, сидевшей за первой партой среднего ряда, уже была соседка - староста класса Полина Кузнецова, пухленькая девочка с короткой стрижкой под мальчика.

Не успела Кира сесть за парту, как объявился Потапкин. - Привет! А ты куда вчера запропастилась? Мы так здорово погуляли в парке. Я хотел тебя мороженым угостить! - Он с шумом швырнул рюкзак на соседний стул. - У меня были дела. - она попыталась отгородиться от его навязчивости, уткнувшись в поспешно открытый учебник, но не тут-то было: - Ну ничего! Можем как-нибудь потом сходить. Есть новые аттракционы ...- он продолжал что-то рассказывать. Кира делала вид, что слушает его болтовню и незаметно наблюдала за дверью: Вот

появилась Вика с подругами, и почти сразу за ними зашли брат Анжелы и парень похожий на принца. Принц, сдержанно поздоровавшись с ребятами, сел за третьей партой в среднем ряду и надел наушники, словно отрезая себя от мира, чтобы его не беспокоили. Брат Анжелы бросил рюкзак рядом с ним, и повернувшись, завёл оживленный разговор с Викой и её красивой подругой. Кира непроизвольно отшатнулась, когда Потапкин вдруг похлопал её по плечу. Но уже в следующее мгновение увидела, как, совершив кульбитный перелёт, вещи Потапкина приземлились с грохотом на соседней парте, и следом туда же переместился он сам. - Что за хрень! - заорал он, но нависшая над ним фигура заставила резко сменить тон: - Можно же просто сказать...кто против... - пролепетал обиженно. Подняв глаза, она наткнулась на знакомый уже стальной взгляд. Смотрел, откровенно вызывая и насмешливо, слегка приподняв одну бровь.

Надежда, что он не узнал её, окончательно рухнула и рассыпалась в прах.

Кирилл говорил по телефону, поэтому в класс зашел позже друзей. И сразу увидел её. Сидела у окна и рассеянно слушала Потапкина, который, из кожи вон лез выпендриваясь и изображая сигму. «Не надорвись, придурок» - мелькнула мысль. Но уже в следующее мгновение, когда увидел, что этот болван снисходительно похлопывает её по плечу (от него не укрылась реакция Киры, отпрянувшей от наглеца), прежде, чем сообразил, что делает, метнулся напрямик к ним. Как-то само собой вышло.... Но не отступать же, особенно теперь, когда она подняла голову и он встретился с её взглядом...И сердце пропустило удар. У неё были самые необычные в мире глаза. Бездонные. Темно зелёные и влажные. Но не водянистые, а как будто в них растеклось густое масло. Блеск, таинственный и загадочный, пробивался сквозь тень пушистых ресниц. Разве зелёные глаза не должны быть светлыми? Такие он ещё никогда не видел. Тогда, у подъезда, он списал их магию на тусклое освещение. Сейчас же, при свете дня, когда она посмотрела на него, он снова на мгновение утонул. Кира, не отводя взгляда, медленно встала, потом отвернулась, обводя взглядом класс, в поисках свободного места. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы найти беззаботные интонации голоса:

- Даже не пытайся! - произнёс насмешливо, иронично. Её взгляд вернулся к нему:

- А то, что, пытаться меня будешь? - она попыталась в точности повторить его интонацию.

«А она дерзкая»- эта мысль почему-то доставила ему удовольствие.

Но ответить он не успел, так как в класс вошла завуч, по совместительству, их училка химии по прозвищу Кислотка, вместе с новой учительницей. Той самой, о которой вчера говорили в классе. Все молча уставились на неё. Кто с интересом, кто с откровенным восхищением.

Кирилл с изумлением. «Охренеть!» - пронеслось в голове. С этой девушкой он расстался несколько часов назад. Усмехнулся про себя: - «Жизнь, чёрт возьми, реально не скупится на сюрпризы...»

- Класс, внимание! - завопила завуч. – Знакомьтесь, это Порошенко Оксана Николаевна. Будет вести у вас английский язык.

- Она всегда говорила повышенным тоном, в котором проскальзывали визгливые нотки.

Возможно, именно поэтому Кирилл не любил химию. Нет, против самого предмета он ничего не имел. Но вот писклявый голос училки нервировал. Он вообще всегда непроизвольно обращал внимание на голоса людей. Вот, например, у этой новенькой голос очень даже приятный: мягкий и бархатистый. А у Оксаны глубокий и сильный.

- А вы, случайно, не сестра Анжелины Джоли?

- Дорохин, не нарывайся! -угрожающе зашипела завуч, но Оксана Николаевна решительно посмотрела на неё и самоуверенно заявила:

- Спасибо. Дальше я сама.

- Удачи, -ехидно процедила Кислотка и вышла. Оксана Николаевна окинула класс спокойным взглядом.

- Начнём урок!

Какова, однако! Молодец! Узнала, но даже бровью не повела, не дрогнула - лишь скользнула по нему бесстрастным взглядом. Держится уверенно и невозмутимо, как удав. Провела переключку, начала урок. Все тупые шуточки и заигрывания пресекает на раз -два. Причём с таким изящным мастерством, что весь класс хохочет не над ней, а над неудачливым шутником. И её английский, кстати, совсем неплох.

Кирилл переключил внимание на соседку по парте, которая из всех сил игнорировала его. Кожа молочно -прозрачная, как у младенца, и пылающий румянец на щеках. Да, он заставляет её нервничать! Волосы были, как и вчера, собраны в высокий пучок, но один маленький, непокорный локон все же выбился из строгой причёски и уютно устроился вдоль длинной шеи, а второй кокетливо падал на лицо у правого виска, споря со строгим видом хозяйки. Он решил, что её причёска ему не нравится. Ну, кроме тех двух непокорных прядок. -Прекрати на меня пялиться! - прошептала девочка, не поворачивая головы.

- Почему? - Бесит!

В ответ он лишь рассмеялся.

Урок, который для Киры длился целую вечность, для него промчался как короткий миг.

- Климов, задержитесь!

- Да, Оксана Николаевна!

- Вы идите, я догоню! - бросила Кристина своим подругам. Она застыла у окна напротив класса. Новенькая ученица вышла одна. Кристина проводила её ревнивым взглядом. Климов не выходил.

-Не переживай.Она тебе не соперница. Не в его вкусе,- тихо произнёс подошедший Игорь.

Сначала он удивился выходке Кирилла, но потом подумал, что тот решил подшутить над новенькой, немного припугнув её своим грозным видом. Маленькая месть за её выходку в лесу. - Тогда почему он сел рядом с ней? - голос Кристины был полон недоверия и тревоги. - А ты хотела, чтобы он с Кислицыной сел?

Аня Кислицына в прошлом году тоже была отчаянно влюблена в Климова. Как-то раз она даже грохнулась перед ним, типа в обморок, чтобы он бросился ей на помощь. Ага, как же! Размечталась! Он равнодушно обошёл её и пошёл дальше своей дорогой. Она не сдалась, и написала ему любовное письмо, которое он, исчерканное вдоль и поперек красной пастой, небрежно швырнул ей на парту на глазах всего класса и презрительно произнёс: «Это ж какой тупой надо быть, чтобы столько ошибок сделать!» Этим жестом он у многих девчонок тогда отбил охоту бегать за ним. Но не у Кристины. - Точно не в его вкусе? - все же уточнила она.

- А сама не видишь? Он с такими не связывается.

- Думаешь? - голос звучал подозрительно.

- Знаю- мягко успокоил Игорь.

Оксана и Кирилл остались в классе одни.

-Неудобно получилось. Давай расставим все точки над «и». Мы друг друга не знаем. То, что между нами произошло... больше не повторится. И об этом никто никогда не узнает. - голос её был совершенно спокойным и ровным.

Кирилл снова восхитился её самообладанием.

Конечно. - в тон ей ответил он, коротко кивнув и развернувшись, чтобы уйти.

- Тебе хотя бы восемнадцать исполнилось?

Он обернулся.

- Это так важно?

- Я что, соблазнила малолетку?

Его глаза весело сверкнули:

- Я никому не скажу! - озорно подмигнул ей и направился к двери.
- Подожди! - он остановился.
- Журнал отнеси в учительскую!

Он был чертовски хорош, этот мальчишка, с его юношеским пылом и мужской агрессивностью. Она, конечно, знала, что он младше, но не предполагала, что настолько. Дважды была в его квартире. И это совершенно точно было ЕГО жилище, молодого brutального мужчины - она определила это по множеству мелочей. Семьёй, родителями там и не пахло. Надо же было так вляпаться!

Когда Кирилл вышел, к нему подошли Игорь с Кристиной.

- Что хотела от тебя училка? - ревниво спросила Кристина. - Чтобы журнал отнёс. Забери.
- он всучил ей журнал.
- Где у нас следующий урок?
- Я скинула тебе расписание.

Кира хотела пересесть. Так бы и поступила, и плевать, что он, скорее всего, посчитал бы её трусихой. Но все места в классе уже были распределены между учениками. А для того, чтобы попросить кого-то поменяться с ней, она ещё недостаточно знакома с ребятами. Анжела подливала масла в огонь, весь день сокрушаясь о поступке Климова, чем лишь усиливала её волнение.

Кирилл же находил какое-то необъяснимое удовольствие, наблюдая за тем, как девочка (на девушку она явно не тянула), изо всех сил старается скрыть смущение и беспокойство за серьёзным и даже немного сердитым выражением лица. Конечно, она совершенно не в его вкусе! Он готов был поспорить, что она ни разу в жизни даже не целовалась. И, все её представления об отношениях между полами, скорее всего, ограничиваются книжными клише и наивными мечтами. Он не собирался брать на себя ответственность за половое воспитание наивных маленьких девочек. Знал, что такими они остаются лишь до поры до времени. Потом - трансформация, и дальше всё как у всех. И это совсем неплохо! Взять хотя бы Оксану...блин, Николаевну. Высший пилотаж! Зря, что училка!

А эта девочка... Просто всё это казалось ему ужасно забавным. Впервые в жизни он с нетерпением ждал, когда закончится перемена и начнётся следующий урок. На уроках она была внимательна и сосредоточена, словно добросовестная первоклашка, чей мир ещё не омрачён сложностями. От неё так и веяло чистотой, свежестью, нетронутостью. А ещё... Кирилл специально уронил ручку, и, когда доставал её, якобы случайно наклонился в её сторону... да, она сладко и вкусно пахла. Находиться рядом с ней было удивительно приятно. Как-то тепло, что ли... уютно... ну вот просто хорошо, и всё тут. И сердится она так... трогательно. Ну правда, крохотная малышка, которая изо всех сил хочет казаться взрослой! К концу дня Кирилл решил, что именно поэтому она вызывает в нём непривычно тёплые чувства. Что -то вроде умиления, которое люди испытывают при виде маленького, беззащитного котёнка или щеночка.

Вечером он попытался найти её в социальных сетях. Так, для информации... Не нашёл. Ну и не очень то хотелось! Он решил, что в дальнейшем будет игнорировать её. Чтобы не возмнила себе чего лишнего! Пересаживаться, за другую парту не собирался. Что сделано, то сделано. Но на этом всё.

16 ГЛАВА

ИГНОР

Шли дни, сливаясь в монотонную ленту учебных будней. Кира постепенно привыкала к роли призрака, навязанной ей Климовым. Вопреки её первоначальным опасениям, он больше не смотрел, не задевал, не провоцировал. Он, просто перестал её замечать. Сидел рядом и

ухитрялся игнорировать с такой естественностью, будто находился в полном одиночестве. Он мастерски превратил её в пустоту!

Кира не знала, стоит ли ей радоваться этой внезапно подаренной невидимости. Она не верила в его молчание, видя в нём лишь затянувшуюся паузу. Это было похоже на ожидание взрыва, когда обманчивое спокойствие разлетится вдребезги от какой-нибудь циничной выходки Климова.

Пару раз Кира ловила на себе любопытный и хмурый взгляд брата Анжелы - Игоря. Вообще-то в классе он слыл парнем открытым и дружелюбным. В его широкой улыбке, прямом чистом взгляде и лёгкой манере общаться чувствовалась обезоруживающая искренность, которая плохо вязалась с хладнокровным безжалостным типом из тёмного лесного мрака. Он носил свою приветливость с непринуждённой небрежностью, как другие носят удобную одежду. Но, мрачная тень той ночи незримо стояла между ними. К счастью, и его интерес к её особе ограничился той парой небрежных взглядов, и растворился в тумане полнейшего безразличия.

Ну а местный принц Андрей Строгов, с его печатью возвышенного спокойствия на лице, кажется, и вовсе не заметил, что в классе появилась новенькая, поскольку существовал в своём, недостижимом для других, параллельном измерении.

Может, этой надменной троице, составлявшей негласную элиту класса, действительно нет до неё дела? Это было бы идеальным раскладом для неё. Обычно для человека игнорирование – это обидно. Но для неё их холодная отчуждённость, это - безопасность. Она куталась в своё одиночество как в защитный кокон. Быть невидимкой - сейчас это было её самым заветным желанием.

Ей почти удавалось не обращать внимания на Дворжецкого и Строгова. Но с Климовым было сложнее. Сидя рядом, она невольно подмечала различные детали. Например, его руки. Трудно не заметить, если он имеет дурацкую привычку на уроках, слушая учителя, крутить ручку, заставляя её виртуозно порхать между пальцами. Так и мелькает перед глазами! Кира невольно вспоминала Катину «теорию эстетического соответствия». Подруга однажды где-то вычитала, что если у мужчины красивые руки, он не может быть уродливым внутри. С тех пор девочки тайком изучали руки окружающих, чтобы проверить истинность этого утверждения. У Климова, определённо, были красивые руки: длинные, сильные, с тонкими, чуть выступающими костяшками пальцев.

Однако, то ледяное равнодушие, с которым он относился ко всем окружающим, кроме Дворжецкого и Строгова, на корню рушило Катину теорию.

Редкая улыбка его обычно не доходила до глаз, замирая где-то на полпути, превращаясь в хищную и язвительную усмешку - приподнимался лишь правый уголок губ.

А ещё он с лёгкостью мог поставить под сомнение слова любого человека, лишь выразительно посмотрев на него приподняв правую бровь. Одним этим движением он умудрялся выставить идиотом кого угодно. Один раз Кира наблюдала, как этот трюк испытала на себе учительница химии. Она начала запинаться, судорожно поправлять очки и в конце концов сорвалась на нервный крик, окончательно теряя и без того хлипкий авторитет перед классом. Похоже, ему нравилось развлекаться, манипулируя людьми.

Если Андрей Строгов был похож на благородного принца, то Климов в воображении Киры был беспринципным, мятежным и опасным корсаром. Была в нём какая-то шероховатость, непокорность и... обречённость. И этот его парфюм... Он не пах модой или люксом. Это был сложный, многослойный аромат абсолютной свободы и силы: запах солёной промокшей древесины, мокрых, остывающих на солнце камней и чего-то ещё...может водорослей... Кира никогда не была на море и не знала, как оно пахнет на самом деле, но ей почему-то казалось, что именно так.

«Глупости!» - одёргивала она себя, заставляя вернуться к уроку. - « всего лишь разыгравшаяся фантазия» Кто виноват, что у неё с детства богатое воображение и наивная мечта о

море, солёном ветре и бескрайнем горизонте. И эта мечта, уж точно, не имела никакого отношения лично к Климову.

Детство закончилось, осталось в прошлом и не вернётся. А прямо сейчас её настоящая цель была прозаичной и скучной: спокойно, без приключений, без лишних волнений и драмы закончить школу. Кира не искала признания и дружбы. Всё, чего она по-настоящему хотела - это раствориться в шуме перемен, стать невидимым элементом школьной экосистемы, одной из сотен теней мелькающих в коридорах - незаметной, беззвучной, неуязвимой.

И, судя по всему, ей это удавалось. Было похоже, что этот высокомерный тип, который едва достаивал внимания даже своих популярных одноклассниц во главе с шустрой и навязчивой Кристиной, всё-таки решил, что её невзрачная, ничем не примечательная особа не представляет для него ровно никакого интереса. Эти размышления ложились на сердце прохладным компрессом, отчего на душе становилось чуть легче. Ну и что с того, что он не уходил, а продолжал делить с ней одну парту. «В конце концов класс забит до отказа. И его соседство - вопрос отсутствия свободного места, а не личного выбора.» - успокаивала она себя простой и трезвой мыслью. - «Ему нет до меня никакого дела. Я для него пустое место. Пусть так оно и останется!»

Она бы искренне, до глубины души удивилась, если бы узнала, что это совсем не так. Что её скромная персона не просто представляет для него интерес, а прочно засела в его голове и стала чуть ли не центром его мира. Хоть он и делал вид, что не замечает её, на самом деле очень даже замечал. Тайком наблюдал за ней. Это происходило непроизвольно, помимо его воли. Что-то в ней постоянно притягивало его взгляд - цепляло, манило. Например, крохотные серёжки - гвоздики, две игривые звёздочки, мерцали в мочке уха и кокетливо подмигивали ему при каждом её движении, споря с серьёзным выражением лица хозяйки.

Ему нравилось, как трепетали пушистые ресницы, прежде чем взлететь вверх, когда она отрывала взгляд от книги и устремляла его вперёд.

Он полюбил тот упрямый локон, который всякий раз выбивался из строгой причёски, чтобы нежно приласкать её тонкую, изящную шею. Сама причёска, к слову, ужасно раздражала. Так и подмывало протянуть руку и выпустить на свободу роскошную, шелковистую гриву, которую он так хорошо помнил с их первой встречи.

У неё была милая привычка слегка облизывать губы, когда нервничала, и закусывать нижнюю губу, когда внимательно, словно замороженная, слушала учителя. А когда искала решение какой-нибудь задачи, держала ручку у губ, слегка поглаживая их. Но как только находила ответ, губы её размыкались в улыбке, и на округлых по-детски щёчках появлялись очаровательные ямочки.

Он забывал дышать, наблюдая за этими, едва заметными, искренними и непосредственными выражениями её эмоций. Злился на себя за свою вовлечённость в эту игру, в которую погружался всё глубже и глубже, рискуя окончательно утонуть.

Злился на неё - «Она что, совсем не соображает, что творит? А ведь и правда, не сообщает... Даже не подозревает...»

Она была странной. На уроках никогда не поднимала руку, чтобы отвечать. Но когда её спрашивали - всегда была готова.

Совсем не стремилась сблизиться с ребятами, предпочитая на переменках уединиться где-то в сторонке с учебником в руках, изолируясь от шума школьного мира в своей маленькой книжной крепости.

Впрочем, подруга у неё всё-таки появилась - Анжела. Хотя, опять же, инициатором их зародившихся дружеских отношений была не Кира, а общительная, неугомонная сестрёнка Игоря.

Теперь в воскресенье он с томительным трепетом ждал понедельника. Ему больше не было скучно в школе. И это было самое удивительное открытие последних дней.

17 ГЛАВА

ПРЕПАРИРОВАНИЕ

На большой перемене столовая гудела, как потревоженный улей. Парни традиционно оккупировали свой привычный столик в самом дальнем углу, где массивные кадки с разросшимися цветами создавали подобие живой изгороди, надёжно отсекая их от остальной школьной массовки. Здесь, за плотными листьями огромных фикусов, сохранялась иллюзия приватности. Анжела сидела рядом с братом, увлечённо расправляясь с горячей пищей.

Кирилл, откинувшись на спинку стула, вертел в руках телефон, но взгляд его был сосредоточенным.

- Понимаете, я не хочу, чтобы это оставалось просто местом, где мажоры пьют виски и лениво катают шары, - негромко говорил он - Может, отец и подарил мне клуб для того, чтобы я там пыль со столов сдувал, но я хочу другого. Мне нужны профи. Настоящие игроки, а не любители помахать кием.

- Хочешь проводить официальные турниры? - Андрей приподнял бровь, помешивая кофе. - Это другой уровень, Кир. Нужна аккредитация, судейство, призовой фонд...

- Призовой фонд я обеспечу, - отрезал Кирилл. - Главное - репутация. Я уже договорился с парой ребят из федерации бильярда. Если они приедут и оценят сукно и свет, за ними подтянутся и остальные.

- Идея крутая, - подал голос Игорь. - Можно сделать закрытые отборочные. Представь: полумрак, тишина, ставки... Это привлечёт серьёзных людей. Главное - пафос правильно выдержать.

- Пафоса у нас и так в избытке, - усмехнулся Кирилл. - Мне нужно качество. Если провести турнир на профессиональном уровне, с призовым фондом и нормальным освещением, статус заведения взлетит до небес. Это будет не просто бар, а точка притяжения для профи.

- А ты уверен, что твой старик одобрит такую движуху? - Игорь задумчиво вертел в руках салфетку.

- Он подарил мне актив. А как я его развиваю - моё дело, - сказал Кирилл и, взглянув на поникшего друга сменил тему: - А у тебя что? Опять «семейный совет» в кабинете директора?

Игорь поморщился, словно от зубной боли. Его мать, директор этой самой школы, видела будущее сына в дипломатии или юриспруденции, но никак не за монитором компьютера.

- Хуже, - выдохнул Игорь. - Она нашла у меня распечатку графика тренировок команды. Сказала, что, если я ещё раз зайнусь про киберспорт, она лично аннулирует мою регистрацию на осенний мейджор. Мол, «нельзя тратить жизнь на бирюльки». Она не понимает, что это спорт. Что там реакция нужна быстрее, чем у пилотов истребителей, и что тактика похлеще, чем в шахматах.

- Для неё это просто «стрелялки», - подала голос Анжела, сочувственно коснувшись плеча брата. Она знала, как тяжело ему даётся это противостояние с родителями.

- В мире мамы успех измеряется красными дипломами и связями, а не количеством фрагов и призовыми в крипте, - пояснила девушка ребятам позицию матери. Сама она горячо поддерживала устремления брата.

- Тебе нужно либо завязывать, либо доказывать результатом, - произнёс Андрей.

- Результат будет, если мне дадут тренироваться, а не будут заставлять зубрить право по пять часов в день! - Игорь в сердцах отбросил салфетку.

Идиллия их закрытого круга была нарушена появлением девочек во главе с Кристиной. Она, не дожидаясь приглашения, с грацией королевы, по-хозяйски опустилась на стул рядом с Кириллом. Её манёвр был безупречен: каждое движение - от поправленной пряди, до того, как она придвинулась к нему, - так и кричало о её исключительных правах на этого парня. Только

вот Климов никак не реагировал на эти игры. Рита, Виолетта и Вика тоже расположились за столом. Виолетта, хотевшая занять место рядом с Игорем, но не обладавшая решительностью Кристины, в результате устроилась на другом конце стола.

- Вы видели лицо «Кислотки», когда Кирилл поднял бровь и вот так посмотрел на неё? - хохотнула Кристина, толкая Кирилла в плечо. - Она реально забыла, как дышать. Я думала, её прямо там кондрашка хватит.

- Она просто слишком серьёзно относится к валентности, - лениво отозвалась Вика, листая что-то в телефоне.

- Она просто слишком серьёзно относится к себе, - поправила Кристина, победно глядя на подруг. - Кстати, - повернулась к Анжеле - Где подругу новую потеряла? - медовым голосом спросила она, уютно устраиваясь в личном пространстве Климова, который, к слову, сидел отвернувшись и игнорируя все её заигрывания.

- Она не иголка, чтобы теряться, - отрезала Анжела. - Кира в библиотеке. И скоро будет здесь, мы договорились пообедать вместе.

Кириллу стало по-настоящему любопытно. Он даже отложил телефон, чего почти никогда не делал в компании Кристины. Неужели и правда придёт? Неужели присоединится к ним за обедом?

Но Кира появилась на пороге столовой лишь на мгновение. Едва увидев всю их блистательную компанию, тут же остановилась и попятилась назад, в тень коридора. Анжела, заметив подругу, радостно замахала руками, призывая её подойти. Но Кира лишь коротко качнула головой и исчезла в толпе. Следом Анжеле пришло сообщение: «Не голодна, пропущу обед», - вслух прочитала она с явным разочарованием. Внутри Кирилла шевельнулось какое-то едкое, раздражённое чувство.

Так он и поверил! Трусиха! Настоящая, безнадёжная трусиха! - его злила эта её реакция. Он видел её насквозь. Был уверен: появившись в классе хотя бы одна свободная парта, эта девчонка сбежала бы от него в ту же секунду. Её откровенное нежелание быть рядом с ним выглядело почти оскорбительным. Нет, она не была трусихой. Уж он то знал, что смелости ей не занимать. Она не приняла этого негласного вызова вовсе не потому, что боялась. Что-то похожее на тупую боль возникло в груди. Он снова уткнулся в телефон.

- Сообразительная! Понимает, что ей здесь не рады. - с едкой усмешкой прокомментировала Кристина, бросив торжествующий взгляд на Кирилла.

- Говори только за себя! - Анжела резко подняла голову и глаза её опасно блеснули.

Игорь, сидевший рядом, примиряющим жестом накрыл руку сестры, призывая успокоиться. Но в планы Кристины это не входило. Она как раз была настроена продолжать.

- А я и говорю за себя! - Кристина изящным жестом поправила белокурый локон.

- Считаю, что эта тихоня какая-то пришибленная! Слишком много заносчивости для такой невзрачной моли! - Кристина и не думала сбавлять обороты.

- Потому что она нищесбродка! - ядовито вставила свои пять копеек Рита, подхватывая волну злорадства. - По-моему, она просто стесняется своей бедности, вот и держится обособленно. Вы только посмотрите, во что она одета - без слёз не взглянешь.

Кристина повернулась к Анжеле, в её голосе зазвучали наставнические нотки: - Ты бы, Анж, более придирчиво подруг выбирала. Это ведь и на твоей репутации сказывается. Скажи мне кто твой друг...

- И ты скажешь мне цену его кроссовок? - перебила её Анжела. - Вы реально считаете, что ценность человека определяется брендовыми шмотками? Действительно настолько ограничены, что цените только этикетки?

- Что ты, что ты! Как можно! - Кристина прижала ладонь к груди, не скрывая сочащегося сарказма: - Прежде всего мы ценим в человеке нравственные и моральные качества, духовность и богатый внутренний мир... Вот только не надо оправдывать полнейшее отсутствие вкуса и

стиля её сомнительными достоинствами. В нашем мире обёртка говорит о содержании больше, чем ты думаешь.

Кристина выразительно, с ожиданием посмотрела на Климова. Тот продолжал висеть в телефоне, не обращая ни малейшего внимания на их словесную перепалку. Она уже не первый раз пыталась спровоцировать его высказаться о новенькой, вытянуть из него хотя бы слово... чтобы понять, наконец, его отношение к ней. Но он не вёлся, оставаясь непробиваемым, как скала.

- С её вкусом всё в порядке. - Голос Анжелы звенел от возмущения. - А вот тебе, Крис, одну пуговичку, на брендовой-то кофточке, лучше бы застегнуть. Раз уж ты так печёшься о моде. Потому что сейчас не модно сочетание настолько короткой юбки с таким агрессивным декольте. В приличном обществе это считается просто вульгарным!

За столом на секунду воцарилась тишина. Кристина вспыхнула, её глаза сузились.

- Не стоит завидовать тем, у кого красивая грудь и длинные ноги - ледяным тоном бросила она. - Мне нечего стесняться своей внешности. В отличии от некоторых!

Кристина резко сменила тактику и повернулась к остальным. Раз уж Климов молчит, пусть услышит, что думают другие. Навряд ли кто-то ещё здесь захочет поддержать Анжелу.

- А вы что думаете об этой тихоне? - спросила она, обводя взглядом компанию.

Вика молча, с мрачным видом ковырялась ложкой в десерте.

- Девочки, давайте не будем раздувать пламя из-за пустяков. - предприняла Виолетта слабую попытку усмирить разгоравшийся пожар. Она знала: если эти две столкнутся всерьёз, искры полетят во все стороны. Её не хотелось оказаться меж двух огней, выбирая сторону между властной Кристиной и строптивой сестрой Игоря.

- Ты считаешь это пустяками? - Анжела резко развернулась к Андрею. - А ты? Ты тоже думаешь, как они? Что она – никто, только потому, что на ней нет бирки из бутика?

Все ожидали, что Андрей, равнодушно пожмёт плечами, отгораживаясь от любых школьных драм, как делал это обычно.

Но на его лице вдруг расцвела мягкая и обезоруживающе искренняя улыбка: - Я думаю, что она удивительно милая - произнёс он, и его голос, чистый и глубокий, разрезал тишину, словно острое лезвие: - А ещё у неё очень красивые, просто необыкновенные, глаза. И совершенно очаровательные ямочки на щеках, когда она смущается.

Андрей на мгновение задумался, словно перебирая что-то в уме и, кивнув, подтвердил: - Очень милая. - Он сделал на слове «очень» такой весомый акцент, что оно буквально повисло в воздухе.

За столом воцарилось почти осязаемое молчание. Лицо Кристины превратилось в маску изумления и ярости.

Кирилл же на мгновение перестал дышать. Оцепенение сковало его тело, а внутри, где-то под рёбрами, вдруг что-то яростно, темно заклокотало.

Он бросил на друга быстрый, обжигающий взгляд, полный недоумения. Этот был первый случай на его памяти, когда Андрей - этот вечно отстранённый холодный принц - позволил себе не просто высказаться о ком-то, а выразить восхищение. Очень милая? Глаза? Ямочки на щеках? В голове Кирилла набатом застучал один и тот же вопрос: когда он успел её разглядеть? Сквозь какие фильтры своего вечного безразличия от сумел рассмотреть эти детали? Это внезапное «прозрение» друга кольнуло Кирилла неожиданно острой, злой искрой собственничества, которой он сам ещё не нашёл объяснения.

Андрей по-прежнему сохранял на лице маску безмятежного спокойствия, смотря куда-то в пространство перед собой, будто его собственные слова не произвели только что эффекта разорвавшейся бомбы.

Кирилла вдруг обдало ледяной волной интуитивного прозрения: весь этот неожиданный «спектакль искренности», каждое тщательно подобранное слово о необыкновенных глазах и ямочках - всё это предназначалось ни язвительной Кристине, ни защищающей подругу Анжеле.

Всё это было сказано исключительно для него.

Это был вызов - тонкий, изящный и болезненный, как укол рапирой в незащищённое место. Кирилл почувствовал, как внутри него всё сжалось от странного гнева. Словно Андрей, единственный из всей компании, сумел взломать его личный шифр, разглядел ту тщательно скрываемую одержимость, с которой Кирилл следил за Кирой. И теперь он решил вывести его игру на свет. Это невысказанное знание, повисшее между ними без единого взгляда «глаза в глаза», жгло Кирилла сильнее любого открытого обвинения. Андрей знал. И теперь Кирилл знал, что Андрей - знает. И это меняло всё.

18 ГЛАВА

КАНУН

Класс захлестнула лихорадка. Причиной массового помешательства стала предстоящая вечеринка, организованная всем потоком в честь вступления в их последний, финишный учебный год.

Школьные коридоры гудели от предвкушения. Как это случалось уже не раз, штаб-квартирой для грандиозного торжества должна была стать легендарная двухуровневая квартира парня из параллельного класса — огромный лабиринт из стекла и бетона, чьи владельцы, вечно кочующие по заграничным командировкам родители, оставили сыну в полное распоряжение. Подготовка к вечеринке вышла на финишную прямую, и старшеклассники окончательно погрузились в предпраздничный хаос.

Это обещало быть не просто «круто» — ожидалось нечто на грани фолы, жаркое и необузданное. Ребята с азартом скидывались деньгами, словно покупали билеты на ковчег, уносящий их от скуки будней. В воздухе буквально искрило от бесконечных обсуждений: кто с кем придёт, что наденет и какой градус безумия допустим в этот раз. Предстоящая ночь стала единственной темой, способной примирить врагов и объединить случайных знакомых, превращая школу в один большой, вибрирующий от нетерпения организм.

Но для Кирилла всё происходящее вокруг превратилось в густой, приглушённый фон. Весь его мир теперь сузился до одной единственной точки - до мелкой девчонки, сидящей рядом.

Их взаимный игнор перестал быть просто отсутствием общения. Теперь это была война на истощение, холодная и изматывающая. Кирилл чувствовал, как воздух между ними вибрирует от напряжения. Но хуже всего было другое: теперь он знал, что Андрей видит его насквозь.

Андрей больше не проронил ни слова. Он не делал никаких жестов, не отпускал шуток, не пытался вмешаться. Его молчание было оглушительным. Оно висело над Кириллом как негласное обвинение или вызов. «Ты попался, друг», — читалось в каждом спокойном взгляде Строгова. И это знание жгло Кирилла изнутри. Он чувствовал, что обязан что-то предпринять, сделать какой-то ход, чтобы вернуть себе контроль над ситуацией, чтобы доказать Андрею (а в первую очередь — самому себе), что он всё ещё хозяин положения. Но что именно делать, он не знал.

Вечеринка стала для него спасительным предлогом. Шансом наконец-то взорвать этот затянувшийся вакуум безмолвия.

Кирилл окончательно определился в ту секунду, когда его взгляд зацепился за знакомую фамилию в списке сдавших деньги. Внутри него вспыхнуло ядовитое, почти ликующее торжество. Значит, ничто человеческое этой «святоше» всё-таки не чуждо? Чопорная маленькая лицемерка! Она так старательно выстраивала вокруг себя стену из ледяного безразличия и книг, а теперь сама, добровольно, вписывает своё имя в сценарий предстоящего безумия. Его

охватил азарт охотника: увидеть её там, в полумраке чужой квартиры, среди оглушительных ритмов и разлитого по бокалам бесстыдства. Сбросить с неё эту нелепую маску благочестия и посмотреть, что скрывается под ней на самом деле — эта затея обещала стать лучшим развлечением за весь год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.